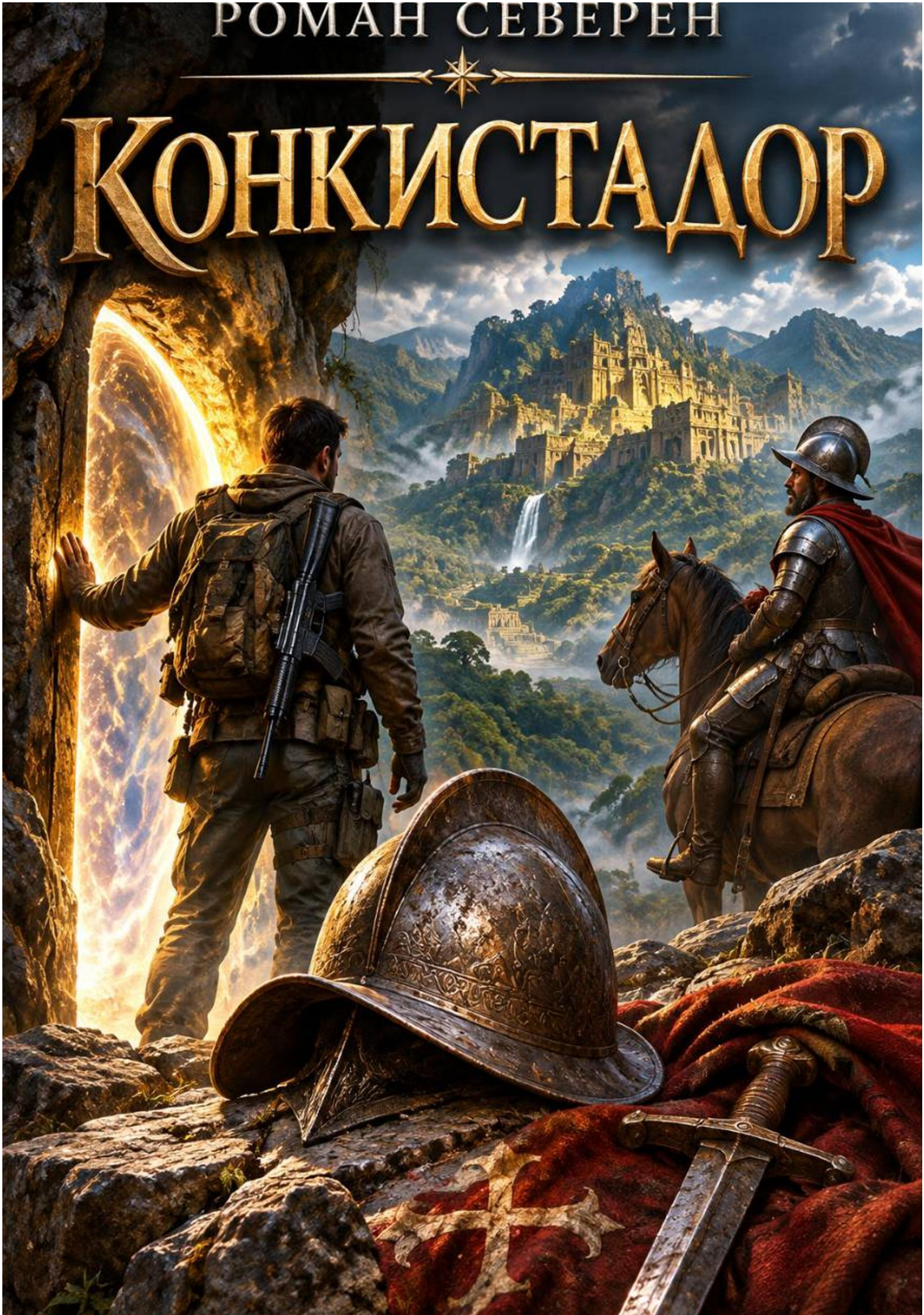
РОМАН СЕВЕРЕН

КОНКИСТАДОР

Роман Северен

Конкистадор

«Автор»
2026

Северен Р.

Конкистадор / Р. Северен — «Автор», 2026

Иногда достаточно открыть одну дверь, чтобы привычный мир перестал быть единственным.Одна неудачная охота — и привычная жизнь Владимира Орлова, бывшего военного и программиста из Монтаны, заканчивается. Ему достаётся не оружие и не волшебный дар, а доступ к загадочной системе, способной открывать переходы между мирами. Сколько их существует? Кто создал эту систему и зачем? Ответов нет. Есть только возможность сделать шаг туда, куда прежде не ступал ни один человек с Земл

© Северен Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Неудачная охота 8
Глава 2 Странная неделя 13
Глава 3 Новые знакомства 19
Глава 5. Обратный билет 28
Глава 6. Цена чуда 34
Глава 7 Луноход 41
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Роман Северен
Конкистадор

Пролог

Я стоял на старой открытой деревянной террасе, так называемом деке, своего неказистого дома и любовался заходящим солнцем. Дом, как и многие американские дома, был построен по технологии, которую я про себя называл фекально-палочной. По крайней мере, именно такое впечатление складывалось, когда я рассматривал отдельные детали его конструкции. В ремонте он определённо нуждался, причём уже довольно давно, но я не особенно переживал по этому поводу. Руки у меня росли откуда надо, с инструментом я обращаться умел, так что рано или поздно собирался привести всё в порядок. Правда, сегодня заниматься ремонтом совершенно не хотелось.

Ветер едва шевелил верхушки деревьев. Я грел ладони о кружку и смотрел, как солнце уходит за горы. В такие вечера полагалось думать о вечном. Я думал о разводе и о том, сколько ещё выдержит доска под левой ногой. Доску, по крайней мере, можно было заменить.

Меня зовут Владимир Орлов. Мне двадцать девять лет. Родился я в Красноярске, в Сибири, а последние девять лет прожил в Соединённых Штатах. За это время успел сменить страну, две армии, одну жену и несколько представлений о том, как вообще должна складываться человеческая жизнь. С армиями, впрочем, всё было более или менее понятно. А вот с остальным получилось несколько сложнее. Я сделал глоток успевшего остыть кофе, снова посмотрел на закат и подумал, что начинать, пожалуй, следует с самого начала.

Девять лет назад мы с молодой женой выиграли грин-карту и приехали в Америку. Были полны надежд, строили планы и совершенно искренне верили, что впереди нас ждёт долгая и счастливая жизнь, которую мы сумеем устроить по собственному разумению. К тому времени я уже отслужил в российской армии и демобилизовался, поэтому рассчитывал наконец заняться обычными гражданскими делами: найти работу, постепенно наладить быт, обзавестись собственным жильём и построить нормальную семью. Никаких особенных богатств или выдающихся достижений мне не требовалось. Хотелось просто жить спокойно и уверенно смотреть в завтрашний день.

Америка, разумеется, оказалась несколько иной, чем представлялась нам по фильмам и рассказам. Никто не встречал нас с распростёртыми объятиями, не предлагал работу с хорошей зарплатой и не вручал ключи от уютного дома. Мы были обычными иммигрантами, которым предстояло начинать практически с нуля, и прекрасно это понимали. Впрочем, жаловаться не собирались. Решение переехать приняли сами, а значит, и отвечать за него должны были самостоятельно.

Жена хотела получить образование, причём непременно хорошее. Я прекрасно понимал её стремление: американский университетский диплом действительно открывал немало возможностей, особенно для молодых людей, которые собирались строить здесь свою жизнь. Проблема заключалась в деньгах. Учёба стоила дорого, наши сбережения были весьма скромными, а рассчитывать на чью-либо помощь особенно не приходилось. Тогда я принял решение, которое в тот момент казалось совершенно разумным: поступить на службу в армию США. Стабильная зарплата, медицинское обеспечение, различные льготы и возможность получить помощь с оплатой образования делали этот вариант весьма привлекательным.

В некотором смысле всё начиналось заново. Опять военная форма, устав, дисциплина, приказы и необходимость подчиняться чужому расписанию. Правда, теперь всё происходило в другой стране и на другом языке, но сама армейская жизнь оказалась достаточно знакомой.

Я не питал иллюзий относительно лёгкой службы и прекрасно понимал, на что подписываюсь. Рассуждал просто: жена будет учиться, я — служить, а через несколько лет мы оба получим возможность построить нормальную обеспеченную жизнь. Мне казалось, что именно так и должна работать семья, когда один временно берёт на себя большую нагрузку ради общего будущего. Никакой особенной жертвы я в этом не видел. По крайней мере, тогда.

Первые три с половиной года службы пролетели довольно быстро, хотя лёгкими их назвать было бы неправильно. Случалось всякое: тяжёлые учения, бесконечные проверки, изматывающая повседневная работа, периоды, когда хотелось послать всё к чёрту. Но я привык доводить начатое до конца и старался выполнять свои обязанности добросовестно. Когда до окончания четырёхлетнего контракта оставалось около полугода, наше подразделение начали готовить к отправке в Афганистан. Мне предложили продлить контракт ещё на год, чтобы отправиться вместе со всеми. Я согласился: в Афганистане платили больше, а эти деньги помогли жене закончить учёбу. Девять месяцев там вполне хватило, чтобы по-другому посмотреть на многие вещи. Человеческая жизнь приобретала совершенно другую цену, а привычные гражданские заботы казались чем-то бесконечно далёким. Я получил несколько лёгких ранений — ничего особенно страшного, но и этого хватило, чтобы ещё раз задуматься, ради чего человек готов рисковать собственной жизнью. Вернувшись в Штаты, я дослужил оставшиеся месяцы. В общей сложности получилось пять лет.

Когда подошло время решать, оставаться ли на службе, я всерьёз рассматривал возможность подписать новый контракт. Армия давно стала привычной средой: я знал её правила, понимал, чего от меня ждут, и умел выполнять свою работу. В каком-то смысле продолжить службу было даже проще, чем снова устраиваться на гражданке. Но за пять лет я порядком устал. Не столько от физических нагрузок, сколько от постоянной зависимости от чужих приказов, расписаний и обстоятельств. После Афганистана особенно сильно хотелось обычной спокойной жизни, возможности просыпаться утром и самому решать, чем заниматься и куда направляться. Хотелось наконец почувствовать, что собственное время принадлежит мне.

К тому моменту жена уже закончила университет и устроилась на хорошую работу. Казалось бы, всё складывалось именно так, как мы когда-то планировали. Самые трудные годы остались позади, финансовое положение постепенно улучшалось, и впереди открывались вполне приятные перспективы. Можно было наконец заняться собственным домом, подумать о детях и просто пожить нормальной семейной жизнью. Однако вместо этого наш брак закончился разводом.

Не стану утверждать, что всё произошло совершенно неожиданно или что до последнего момента ничто не предвещало подобного исхода. Отношения между людьми редко разрушаются за один день, просто далеко не всегда замечаешь, когда именно что-то начинает идти не так. Жена приняла решение уйти, и изменить его я уже не смог. Разумеется, переживал, пытался разобраться в причинах, задавал себе массу вопросов. Но со временем понял, что бесконечно возвращаться к прошлому совершенно бессмысленно. У каждого человека собственное представление о том, кто прав и кто виноват, и устраивать суд над бывшей женой я не собирался.

После развода я опять стал просматривать армейские вакансии. Знакомая работа, понятные требования; никто не спрашивает, что у тебя с личной жизнью, пока это не мешает службе. Несколько вечеров просидел над объявлениями, а потом закрыл сайт. Пять лет я мечтал сам распоряжаться своим временем — и вот собирался отдать его обратно, лишь бы не оставаться одному дома. Вместо нового контракта нашёл удалённую работу софтвер-девелопером и решил переехать.

Мне хотелось уехать подальше от прежней жизни, от знакомых мест и людей, которым была известна моя история. Не потому, что я чего-то стыдился или от кого-то прятался. Просто иногда полезно оказаться там, где никто ничего от тебя не ждёт и не пытается напомнить,

каким ты был раньше. Хотелось спокойно разобраться в себе, понять, чего я действительно хочу, и наконец начать жить собственными интересами.

Так я оказался в Колумбия-Фолс, небольшом городке на северо-западе Монтаны, примерно в двадцати пяти километрах от Калиспелла, с населением немногим больше пяти тысяч человек. Место оказалось удивительно приятным. Никаких бесконечных автомобильных пробок, многоэтажных кварталов и постоянной городской суеты. Зато вокруг были леса, горы, холодные реки и простор, к которому я, выросший в Сибири, всегда испытывал особенную симпатию. Неподалёку находилось озеро Макдональд, окружённое лесами и горными хребтами национального парка Глейшер. В этих местах можно было часами бродить по лесным дорогам, останавливаться у воды, любоваться окружающими пейзажами и совершенно забывать о времени.

Городок был настолько провинциальным, что у продуктового магазина вполне можно было встретить лошадь под седлом, и никто не удивлялся. В Монтане вообще казалось, что ездить верхом умеют все. За пару лет я тоже научился держаться в седле и уже подумывал купить себе лошадь для души. Осталось убедить себя, что именно этого мне и не хватает для полного счастья.

Постепенно я всерьёз увлёкся охотой. Сначала это было просто приятным способом проводить свободное время, но затем превратилось в настоящее увлечение. Мне нравилось готовиться к выходам, изучать незнакомую местность, подбирать снаряжение и уходить в лес ещё затемно, когда окружающий мир только начинал просыпаться. В горах всё было одновременно сложнее и проще, чем в обычной жизни. Природа не прощала ошибок, не интересовалась твоими оправданиями и совершенно не собиралась подстраиваться под желания человека. Но в этом и заключалась своеобразная честность происходящего. Не подготовился — сам виноват. Допустил ошибку — отвечай за последствия. Здесь никому не было дела до того, сколько ты зарабатываешь, какую должность занимаешь и почему твой брак закончился разводом. В лесу я мог просто оставаться самим собой.

Со временем жизнь окончательно вошла в спокойное, привычное русло. Я работал из дома, занимался хозяйством, понемногу ремонтировал то, что особенно настойчиво требовало моего внимания, и при первой возможности отправлялся на охоту. Дом оставался старым и довольно неказистым, однако меня это совершенно не смущало. Тратить большие деньги на капитальный ремонт не хотелось, тем более что многое я вполне мог сделать самостоятельно. Впрочем, особенных планов на будущее у меня тоже не было. Я не собирался никому ничего доказывать, не искал новых отношений и не стремился любой ценой изменить свою жизнь. Мне вполне хватало независимости, любимых занятий и возможности распоряжаться собственным временем.

Казалось, я наконец нашёл именно то, чего мне так долго не хватало. Стоя на террасе своего старого дома и наблюдая, как солнце постепенно скрывается за горными вершинами, я думал о том, что жизнь, пожалуй, не так уж плоха, если перестать требовать от неё слишком многого. Впереди был обычный тихий вечер, за ним должен был последовать такой же спокойный день, и ничто не предвещало серьёзных перемен.

Тогда я ещё не знал, что привычный покой, к которому я так долго стремился, вскоре останется лишь приятным воспоминанием.

Глава 1. Неудачная охота

Оленя я заметил рано утром, когда солнце только начинало освещать восточные склоны гор. Хороший экземпляр, крупный, осторожный. Он неторопливо двигался от реки в сторону гор, время от времени останавливаясь среди деревьев и прислушиваясь. Я следовал за ним уже второй час, стараясь держаться подальше и не обнаруживать своего присутствия.

На фотографиях охота выглядит куда привлекательнее, чем в действительности: счастливый мужик с трофеем, горы на заднем плане и ни намёка на мокрые ботинки, царапины от веток и усталые ноги. У меня к тому времени уже ломило плечи от рюкзака, а олень, судя по всему, прекрасно проводил утро. Вот кто из нас действительно наслаждался прогулкой.

К полудню лес поредел, уступив место каменистому склону с редкими деревьями и зарослями кустарника. Мы находились неподалёку от национального парка Глейшер, но за его границами, на территории, где охота разрешалась. Я остановился у скального выступа, достал бинокль и вскоре обнаружил своего красавца на противоположной стороне распадка. Расстояние приличное, но вполне рабочее. Моя винтовка Q под патрон 6.5 PRC с оптикой Leupold Mark 5 позволяла стрелять и гораздо дальше. Главное — не забывать, что дорогая винтовка сама по себе хорошим стрелком человека не делает.

Олень скрылся за деревьями, и я осторожно переместился к группе крупных валунов, откуда открывался хороший обзор. Устраиваясь для выстрела, краем глаза отметил, что камни выглядят подозрительно свежими. Светлые сколы, вывороченная земля, оборванные корни. Похоже, недавно здесь сошёл небольшой обвал. Я собирался присмотреться внимательнее, но именно тогда олень снова появился на открытом участке склона и повернулся боком.

Я проверил ветер, задержал дыхание и плавно нажал на спуск. Грохнула винтовка, и почти одновременно я отчётливо увидел, как пуля выбила пыль из склона выше спины оленя. Тот вздрогнул от выстрела и рванул к деревьям. Я проводил его в оптику, пока он не скрылся, и досадливо выругался. Чистый промах: пуля прошла выше.

— Ладно, приятель. Сегодня твой день, — пробормотал я, убирая винтовку.

У меня существовало собственное правило: одна попытка. Если промахнулся и зверь не ранен, не гоняться за ним до посинения. Пусть живёт. При малейшем подозрении на ранение я, конечно, пошёл бы искать животное, но здесь всё было ясно: я видел попадание в камень выше цели. Несколько часов ходьбы закончились ничем. Досадно, но такое случается.

Я уже собирался отправляться обратно, когда вспомнил о свежей осыпи. Любопытство — штука вредная, особенно когда у человека есть свободное время и поблизости нет никого, способного вовремя сказать: «Не лезь, идиот». Подойдя к валунам, я убедился, что обвал действительно произошёл недавно. Среди камней обнаружилась широкая трещина, уходившая под скалу. Изнутри тянуло прохладным воздухом.

Я посветил фонарём. Проход продолжался в глубину, постепенно расширяясь. По всему выходило, что осыпь открыла вход, прежде скрытый камнями. С точки зрения здравого смысла следовало сфотографировать находку, отметить координаты и отправиться домой. Вместо этого я поправил рюкзак, проверил запасной фонарь и полез внутрь. Похоже, в тот день здравый смысл решил не вмешиваться. А зря.

Первые несколько метров пришлось протискиваться боком. Камень скрёб по плечам, рюкзак цеплялся за выступы, зато вскоре щель расширилась настолько, что я смог выпрямиться. Пол неожиданно оказался довольно ровным. На камне виднелись длинные параллельные борозды, а одна из стен выглядела так, будто по ней много лет таскали что-то тяжёлое. Я присел, провёл пальцами по борозде и задумчиво осмотрелся. Природная эрозия? Возможно. Только уж слишком правильными выглядели эти следы.

Немного дальше, возле самого пола, что-то тускло блеснуло. Я нагнулся и поднял небольшой металлический обломок размером с крупную монету. Тёмно-серый, тяжёлый, без малейших следов ржавчины. На одной стороне виднелся тонкий геометрический рисунок, не похожий ни на знакомые письмена, ни на обычный орнамент. Я повертел находку в пальцах, положил в карман и двинулся дальше.

Метров через пятьдесят природная трещина начала меняться. Сначала исчезли неровности пола, затем стены стали подозрительно гладкими, а потолок приобрёл почти правильную форму. Ещё немного — и я оказался в настоящем тоннеле с вертикальными стенами и ровным полом. Никаких следов инструмента, ни кабелей, ни труб, ни креплений. Будто кто-то не вырубил тоннель в скале, а просто придал самой породе нужную форму.

— Охренеть, — пробормотал я, направляя луч фонаря вдоль стены. — Кто-то выкопал в горе тоннель и даже табличку не повесил. Сервис отвратительный.

Мне всё это решительно не нравилось. Неприятное чувство опасности настойчиво советовало повернуть обратно. Особенно тревожило постоянное движение прохладного воздуха навстречу. Никаких вентиляционных отверстий я не видел, а тоннель продолжал уходить в глубину горы. Разум требовал возвращаться. Любопытство, как обычно, имело другое мнение.

За следующим поворотом тоннель неожиданно закончился просторным круглым залом. Причём круглым не приблизительно, как бывает в природных пещерах, а геометрически правильным. Стены образовывали ровную окружность, пол был совершенно плоским, потолок плавно поднимался к центру. Ни дверей, ни боковых проходов, ни каких-либо технических ниш. Только цилиндрическая колонна высотой примерно полтора метра, стоявшая строго посередине.

Я медленно обошёл её, внимательно осматривая поверхность. Ни кнопок, ни рычагов, ни надписей. Колонна словно вырастала непосредственно из пола. Под определённым углом света на гладкой поверхности проступали тончайшие линии, складывавшиеся в знакомый геометрический рисунок. Я достал металлический обломок и сравнил узоры. Они не совпадали, но явно принадлежали одной системе.

— Хоть бы инструкцию оставили, — проворчал я. — Желательно на русском. Или хотя бы на английском, если уж совсем жадные.

Я присел, рассматривая рисунок у основания колонны. В левой руке держал найденный металлический предмет и то подносил его к бороздкам, то отводил, стараясь поймать нужный угол света. Сходство определённо было, только линии словно продолжали друг друга, а я никак не мог понять, где именно. Я придвинул ключ ещё ближе и, чтобы не потерять равновесие, машинально упёрся правой ладонью в гладкую поверхность колонны. В тот момент мне и в голову не пришло, что именно этого делать нельзя.

В следующую секунду меня скрутило.

Не ударило током — ощущения были совершенно другими. Все мышцы словно одновременно свело судорогой. Пальцы намертво прилипли к поверхности, дыхание перехватило, по позвоночнику прокатилась ледяная волна. Я попытался отдёрнуть руку, но тело перестало подчиняться. Перед глазами поплыли тёмные пятна.

— Какого хр...

Договорить не получилось. Ноги подогнулись, сознание стремительно погасло. Последней мыслью было очень простое и совершенно справедливое заключение: идиот.

* * *

Очнулся я от боли. Болело всё — мышцы, суставы, спина, даже зубы. Казалось, меня пропустили через промышленную мясорубку, затем кое-как собрали обратно и для надёжности несколько раз ударили кувалдой. Попытка пошевелиться закончилась таким приступом, что я предпочёл некоторое время просто лежать.

Вокруг стояла абсолютная темнота. Налобный фонарь не работал — аккумулятор сел. Сколько я провалялся без сознания, понятия не имел. На ощупь нашёл в рюкзаке запасной фонарь и включил его. Свет выхватил знакомые стены круглого зала, ровный пол и... пустое место посередине помещения.

Колонны не было.

Я несколько секунд смотрел на небольшую кучку серого порошка там, где ещё недавно возвышался полутораметровый цилиндр. Подполз ближе, стараясь не обращать внимания на боль. Порошок слегка поблёскивал в свете фонаря. Ни обломков, ни трещин, ни следов какого-либо механизма.

— Нет. Так не бывает, — пробормотал я.

Вспомнил про металлическую находку. Левая ладонь оказалась пустой, а между пальцами обнаружились остатки такого же серого порошка. Выходило, что и обломок исчез вместе с колонной. Я машинально стряхнул пыль и заметил на коже две тонкие светлые линии, сходившиеся под углом.

Шрам. По форме он напоминал греческую букву лямбда — Λ.

Я поднёс ладонь к фонарю. Никакого покраснения, воспаления или боли. Обычный старый шрам, словно появившийся много лет назад. Только я прекрасно знал, что раньше его не было: свои шрамы я помнил наперечёт. Потёр кожу, поскрёб ногтем — ничего не изменилось. И ещё одна нелепость: к колонне я прикоснулся правой рукой, а знак появился на левой, той самой, в которой держал металлическую находку.

— Замечательно, — произнёс я, переводя взгляд с ладони на серую пыль. — Улики самоуничтожились, зато сувенир оставили. Спасибо, блин, огромное.

В этот момент мне окончательно расхотелось выяснять, кто построил тоннель и зачем посреди зала стояла эта штуковина. Единственное, чего хотелось, — оказаться снаружи, желательно живым и без новых подарков на теле. Подняться удалось далеко не с первой попытки. Меня шатало, тошнило, перед глазами периодически темнело, но оставаться в проклятом помещении я совершенно не собирался.

Обратный путь сохранился в памяти обрывками: холодная стена под ладонью, свет фонаря, неровный шаг и остановки, во время которых я ждал, пока перестанет кружиться голова. Когда гладкий тоннель сменился естественной трещиной, стало ещё труднее — приходилось цепляться за камни и протискиваться между выступами. Но впереди наконец забрезжил дневной свет.

Последние метры я преодолел на четвереньках и выполз на камни. Над горами занимался рассвет. Я лежал, смотрел на светлеющее небо и дышал. Обыкновенный воздух. Никаких колонн, никаких подарков. Полежал бы так до вечера, если бы не холод.

До машины я добирался долго, то и дело останавливаясь у деревьев, чтобы перевести дух. Хорошо, что ещё на охоте запомнил ориентиры. Когда наконец увидел пикап, добрался до сиденья и рухнул в него, сил почти не осталось. До дома было около шестидесяти миль, а руки всё ещё дрожали.

Телефон уже ловил сеть. Я подумал вызвать помощь, но несколько минут просто сидел, глядя на экран. Объяснить, что произошло, всё равно не сумел бы; впрочем, врачу было бы достаточно и моего состояния. Я выпил воды, дождался, пока немного отпустит, и всё-таки завёл двигатель. Домой хотелось отчаянно.

Поездка далась тяжело. Один раз пришлось съехать на обочину и подождать, пока перестанет двоиться в глазах. Я прекрасно понимал, насколько глупо поступаю, но мысль о собственной кровати упрямо тянула вперёд. Шестьдесят миль показались бесконечными.

Когда наконец показались знакомые улицы Колумбия-Фолс, я испытал облегчение, словно вернулся из многомесячной командировки. Припарковался возле дома, кое-как

добрался до входной двери, бросил рюкзак в прихожей и рухнул на диван. Даже ботинки не снял. Последнее, о чём успел подумать, — неплохо бы запереть дверь. Потом уснул.

* * *

Проснулся я от запаха жареного мяса и звуков, доносящихся с кухни. Кто-то гремел посудой, открывал шкафчики и, судя по всему, чувствовал себя совершенно свободно. Учитывая, что жил я один, вариантов было немного. Либо ко мне забрались грабители с необычными гастрономическими предпочтениями, либо я всё ещё валялся без сознания в той проклятой пещере.

— О! Спящая красавица проснулась! — донеслось с кухни. — А я уж думал, придётся тебя целовать!

Голос был знакомый. Я с облегчением выдохнул и попытался сесть. Получилось со второй попытки. На пороге кухни появился Джон Салливан — мой сосед и, пожалуй, самый близкий друг после переезда в Монтану. Здоровенный мужик лет сорока, широкоплечий, с короткой бородой и руками человека, который всю жизнь работал не только головой. У Джона была небольшая строительная компания, и, в отличие от некоторых владельцев бизнеса, он сам охотно брался за инструмент.

— Ну здравствуй, герой, — сказал он, окинув меня взглядом. — Выглядишь как дерьмо.

— И тебе добрый вечер, — пробормотал я, устраиваясь так, чтобы спина меньше напоминала о себе.

— Как самочувствие? — Джон придержал меня за плечо, пока я возился с подушкой.

— Как будто меня медведь трахнул.

Джон задумчиво кивнул.

— Судя по твоей физиономии, медведь остался недоволен.

Мы познакомились вскоре после моего переезда, когда я пытался отремонтировать крыльцо. Джон минут пять молча наблюдал за моей работой, а потом сообщил, что если прибить доску именно так, через полгода она отвалится вместе с моей задницей. С этого и началась наша дружба. Оба разведённые, оба любили охоту, рыбалку и хорошее мясо. Я познакомил его с настоящим шашлыком, а он в ответ объяснил некоторые местные особенности приготовления стейков. В общем, сошлись характерами.

— А ты вообще какого хрена у меня дома? — спросил я, когда Джон вернулся из кухни.

— Хороший вопрос! Я тут, значит, весь день переживаю, а он ещё спрашивает! Ты вчера утром на охоту уехал, вечером не вернулся, на звонки не отвечал. К утру мы уже собирались поисковую команду организовывать. Я, Майк, ребята из охотничьего клуба. Зак тоже подключился.

Зак Порода, кузен Джона и помощник местного шерифа, был парнем настырным. Если бы он всерьёз взялся за поиски, половина округа уже прочёсывала бы лес. Джон рассказал, что кто-то из соседей заметил мой пикап возле дома. Он приехал проверить, постучал, ответа не дождался и вошёл через незапертую дверь. Обнаружил меня на диване, бледного, грязного и практически без сознания. Проверил, дышу ли я, снял ботинки, накрыл пледом и решил дождаться пробуждения, заодно приготовив ужин.

— Спасибо, Джон, — сказал я. Он уже повернулся к кухне, и получилось ему в спину.

— Не за что. Только в следующий раз предупреждай, если собираешься исчезнуть на сутки. А теперь рассказывай, что произошло.

Я рассказал. Разумеется, не всё. Олень, промах, обвал, найденная пещера, внезапная потеря сознания. Про искусственный тоннель, колонну и знак на ладони промолчал. Сам ещё не понимал, что случилось, а объяснять подобные вещи человеку, который привык иметь дело с досками, бетоном и вполне осязаемыми проблемами, было бы затруднительно.

— То есть ты один полез в неизвестную пещеру? — уточнил Джон.

— Ну да, — признал я, не отводя взгляда.

— Без специального снаряжения?

— У меня было два фонаря, — невозмутимо заметил я.

Он посмотрел на меня так, словно я только что признался, что пытался остановить грузовик собственным лбом.

— Господи, дай мне терпения. Потому что если дашь силы, я его сейчас придушу.

— Ты же сам спросил, — вяло напомнил я. Джон открыл рот, но только махнул рукой.

— Володя, у тебя инженерное образование и вроде бы работающий мозг. Как ты умудрился отключить его именно тогда, когда он был нужнее всего?

— Я очень талантлив, — бесцветным голосом ответил я.

Джон покачал головой, но на этот раз уже без улыбки. Он настоял, чтобы я показался врачу, особенно после рассказа о головокружении и провалах в памяти. Спорить было бессмысленно. Я пообещал обратиться за помощью, после чего он отправился заканчивать ужин.

Мы как раз доедали стейки с картошкой, когда снаружи послышался шум подъехавшей машины. Через минуту в дверях появился Зак Порода — высокий, жилистый парень с коротко стриженными волосами и неизменной хитроватой улыбкой. Сегодня, правда, улыбался он меньше обычного.

— Ну здравствуй, пропащая душа, — сказал он, оглядывая меня с головы до ног. — А мы уж думали, медведи тебя сожрали.

— Не дождётесь, — отозвался я с набитым ртом. Ради Зака откладывать вилку не хотелось.

— Судя по внешности, они хотя бы попробовали.

Услышав историю про пещеру, Зак перестал шутить. Он уточнил, не ударился ли я головой, не чувствовал ли необычных запахов и не было ли проблем с дыханием. Особенно ему не понравилось, что после потери сознания я самостоятельно проехал шестьдесят миль.

— И к врачу сходи, понял? — закончил он. — Не просто покивай, а действительно сходи.

— Хорошо, мамочка, — протянул я с нарочитой покорностью.

— Вот теперь узнаю нашего русского, — сказал Зак. Улыбка вернулась, но обещания он всё-таки дождался.

Зак уже собирался уходить, когда вдруг остановился и спросил, смогу ли я показать вход в пещеру. По его словам, если там действительно что-то не так с воздухом, место следовало проверить, пока туда не забрался очередной любопытный турист. Возражать было трудно. Мы договорились съездить в следующую субботу, причём Зак особо подчеркнул, что без подготовки внутрь никто не полезет.

После ужина друзья наконец разъехались. Джон напоследок велел запереть дверь и пригрозил лично проверить, если я опять исчезну. Оставшись один, я направился в ванную. Горячая вода понемногу снимала напряжение, но мысли продолжали возвращаться к странному подземному залу. Искусственный тоннель, колонна, рассыпавшись в пыль, и непонятный знак на руке — всё это совершенно не укладывалось в привычную картину мира.

Я поднял левую ладонь. Две тонкие светлые линии оставались на месте. Шрам выглядел так, словно находился там уже много лет. Может быть, следовало рассказать Джону всё? Но что именно я мог доказать? Колонны больше не существовало. Металлический обломок тоже исчез. Всё, что осталось от обоих предметов, — серая пыль на полу неизвестного сооружения и этот знак.

Я выключил воду, вытерся и ещё раз посмотрел на ладонь.

— Ну и во что же ты вляпался, Орлов?

Ответа, разумеется, не последовало. Зато я уже знал одну неприятную вещь: в следующую субботу мне придётся снова ехать к той пещере.

Глава 2 Странная неделя

В понедельник я проснулся около восьми и с удивлением обнаружил, что почти ничего не болит. Голова ясная, тошноты нет, руки не дрожат. Разве что мышцы слегка ныли, будто после тренировки.

— Ну здравствуй, организм. Рад, что мы снова разговариваем.

Выбравшись из постели, я первым делом осмотрел левую ладонь. Шрам оставался на месте. Две тонкие светлые линии, образующие греческую букву лямбда.

— Ладно. С тобой разберёмся позже.

После завтрака я записался к врачу, как советовали Джон и Зак. Предстояло снова идти к пещере; хотелось убедиться, что организм доживёт до этого события.

Доктора Эрика Науера я знал почти с переезда. Худощавый, подвижный пятидесятипятилетний мужчина ходил по коридорам быстро, но в кабинете никогда не давал почувствовать, что ты его задерживаешь. Садился напротив, слушал. Перебивал редко — зато от неудобного вопроса у него было не отвертеться.

— Владимир! — воскликнул он, едва войдя в кабинет. — Какими судьбами? Джон сказал, ты решил проверить, сколько неприятностей может доставить одна охота!

— В нашем городе вообще можно что-нибудь сохранить в тайне? — спросил я, покосившись на Эрика.

— Разумеется. Но только если об этом никто не знает, — с мягкой улыбкой ответил Эрик.

— Ну, рассказывай, — Эрик придвинул стул и сел напротив.

Я пересказал историю без столба, металлического обломка и узоров: пещера, внезапная слабость, обморок, трудное возвращение домой. Науер выслушал и перестал улыбаться.

— Потеря сознания в замкнутом пространстве — не шутка, Владимир. Там могло быть недостаточно кислорода, повышенное содержание углекислого газа или какой-нибудь другой газ. Хотя без обследования самой пещеры мы этого не узнаем.

Он проверил основные показатели, провёл неврологический осмотр и отправил меня на ЭКГ и анализы.

— Посмотрим, не осталось ли чего-нибудь подозрительного. Хотя должен признать, сейчас ты выглядишь вполне здоровым.

— Вчера я выглядел несколько иначе, — заметил я, поправляя рукав. Синяк на локте ещё никуда не делся.

— Джон уже сообщил. Причём в весьма красочных выражениях.

— Предатель, — проворчал я без особого убеждения.

— Хороший друг, — поправил Науер.

Пока ждали результаты, я листал новости. Эрик вернулся с распечаткой, сел за стол и прежде всего нашёл нужную строку.

— Ну что, Владимир, — Эрик положил распечатку передо мной. — Давление, пульс, кислород, ЭКГ и основные анализы — без явных отклонений. А вот обморок пока объяснить нечем.

— То есть я здоров? — Я уже потянулся за курткой.

— Погоди с курткой, Владимир, — остановил меня Эрик. — Пока явных отклонений нет. Но вчерашний обморок от этого никуда не делся. Обычные анализы не всё показывают. Так что снова лезть в пещеру я бы тебе не советовал.

— Понял.

— Если симптомы повторятся, сразу обращайся за помощью. И не садись за руль в таком состоянии.

— Хорошо, доктор, — ответил я уже без улыбки.

Науер снова улыбнулся.

— А сейчас придраться почти не к чему. Отдыхай. Насчёт оставшихся результатов ещё свяжемся.

— Спасибо, Эрик.

— Не за что. И передай Джону, что он может перестать готовиться к твоим похоронам.

— Обязательно.

— Береги себя, Владимир. И постарайся в следующий раз вернуться с охоты с оленем, а не с загадочным диагнозом!

Я вышел с улыбкой, но уже на улице взглянул на шрам в форме лямбды. Доктор не нашёл ничего необычного. Откуда же взялось это?

Домой я вернулся к полудню и открыл рабочую почту. Я работал программистом удалённо: хорошая зарплата, никакой дороги в офис, но от корпоративных совещаний даже Монтана не спасала.

В полдень началась видеоконференция. Менеджер долго говорил о командной работе и прозрачности процессов, потом коллеги обсуждали задачи, которые давно были расписаны в системе. Я сидел с выключенным микрофоном и смотрел, как на экране медленно умирает ещё один час моей жизни.

— Для начала неплохо бы сократить количество бессмысленной болтовни, — пробормотал я.

К счастью, микрофон был выключен. Когда коллеги перешли к обсуждению даты следующего совещания, я окончательно убедился, что человечество ещё не готово к освоению космоса. Мы пока даже с календарём справиться не можем.

Наконец экран погас. Я открыл проект, над которым мучился всю прошлую неделю, и уже приготовился к обычной возне с ошибкой. Программа работала, но при определённом сочетании входных данных выдавала неверный результат. Я проверил десятки вариантов, переписал часть алгоритма и всё равно упирался в тупик.

Теперь хватило одного взгляда.

Я вдруг увидел не отдельные функции и строки кода, а всю конструкцию целиком. Взаимосвязи выстроились так отчётливо, словно кто-то разложил передо мной чертёж и красным карандашом обвёл ошибочное место. Никакого озарения с музыкой и фанфарами. Просто стало непонятно, как я мог не заметить настолько очевидную вещь раньше.

Я изменил несколько строк, запустил тесты и замер. Всё прошло с первого раза. Проверил ещё раз, затем открыл следующую задачу. Там тоже решение обнаружилось почти сразу. Третья заняла чуть больше времени, но не потому, что была сложной: пришлось внимательно прочитать требования, которые наш менеджер, похоже, писал во время землетрясения.

К вечеру я обнаружил, что выполнил почти недельную норму. Не набросал приблизительные решения, которые потом придётся чинить, а действительно закончил работу: проверки прошли, замечаний не осталось. Я пролистал изменения, поискал привычные мелкие ошибки — и не нашёл.

— Ни хрена себе, — сказал я пустой комнате.

Можно было списать всё на удачный день. Бывают такие дни, когда мозги работают лучше обычного. Только раньше я никогда не чувствовал, будто заранее знаю, где именно искать ответ. Это ощущение было новым, и оттого неприятным.

На всякий случай я ещё раз запустил тесты. Они снова прошли без ошибок. Затем закрыл ноутбук, решив, что о своём внезапном трудовом подвиге начальству лучше сообщать небольшими порциями. Иначе завтра меня попросят повторить.

Перед сном пришло письмо от Эрика с оставшимися результатами. В целом анализы оказались хорошими. Доктор отметил небольшие гормональные отклонения, которые могли быть связаны со стрессом, и предложил повторить обследование через несколько недель. Дальше

шли обычные рекомендации: отдыхать, нормально питаться и при возвращении симптомов немедленно связаться с ним.

Последние строки были уже не совсем врачебными: «И ещё совет не врача, а знакомого: может, хватит жить одному? Найди хорошую женщину — глядишь, и в горы полезешь реже».

— Ну конечно, Эрик. Жениться. Гениально. Один раз уже попробовал. Лечение оказалось дороже самой болезни.

Я выключил компьютер, но заснуть сразу не удалось. Перед глазами то и дело возникали гладкие стены подземного зала, исчезнувшая колонна и знак на ладони. Когда сон всё-таки пришёл, легче не стало.

Мне мерещилось пространство без стен и пола. В темноте поворачивались светящиеся фигуры: одни складывались в правильные ряды, другие распадались на части, а потом соединялись в новые формы. Почему-то я знал, что должен найти закономерность. Не слышал вопросов, не видел указаний, но всякий раз ощущал, что от меня чего-то ждут.

Я пытался разобраться и иногда понимал ответ прежде, чем успевал сформулировать сам вопрос. Потом всё рассыпалось, и возникала другая картина — объёмная конструкция, словно прозрачная машина из сотен подвижных деталей. Я видел её сразу со всех сторон, хотя подобное было невозможно. В какой-то момент она изменилась, а может, изменился я сам. Этого я уже не мог понять.

Проснувшись среди ночи, я долго лежал с открытыми глазами. Это было воспоминание? Сон? Или мозг, переживший неизвестно что, просто развлекался за мой счёт? Чем настойчивее я пытался восстановить подробности, тем быстрее они исчезали. Утром осталось лишь странное чувство, будто я провёл несколько часов за работой, которой никогда не учился.

В следующие ночи происходило нечто похожее, хотя повторить хоть одну картину в памяти я бы не сумел. Иногда снились люди с незнакомыми лицами, иногда — линии и символы, иногда вообще ничего определённого. Однажды мне показалось, что я вижу собственное тело изнутри: ветвящиеся нити, вспышки света, непонятное движение. Проснувшись, я даже не был уверен, что это действительно снилось, а не придумалось уже после пробуждения.

Зато утром неизменно чувствовал себя превосходно. Исчезла привычная боль в спине, легче стало двигаться, а за компьютером я продолжал работать с пугающей скоростью. К пятнице пришлось придержать часть готовых задач, чтобы начальство не решило, будто я весь прошлый месяц откровенно бездельничал. Именно эти вполне реальные изменения тревожили меня куда сильнее снов.

Вечером я сидел на террасе с кружкой чая и пытался подвести итоги недели. Пещера, провал в памяти, новый шрам, странные сновидения, исчезнувшие боли и внезапно поумневшая голова. Совпадений набиралось слишком много, но связать их в разумную картину пока не получалось.

— Ну что, Орлов, — сказал я вслух. — Поздравляю. Похоже, из тебя делали мага.

Я представил себя в длинном балахоне, с посохом в одной руке и огненным шаром в другой.

— Огненный шар, конечно, вещь полезная. Особенно зимой, когда дрова закончились. А ещё можно наколдовать новый пикап. Главное, чтобы налоговая не заинтересовалась источником дохода.

В магию я не верил. Но и назвать случившееся обычным обмороком после посещения врача уже не мог. Возможно, в пещере находилась какая-то невероятная технология. Возможно, я просто слишком старательно искал объяснение собственным странностям. Сны ничего не доказывали; проверить можно было лишь одно — существует ли вообще тот тоннель.

Завтра мы с Заком возвращались к месту обвала. Джон, узнав о поездке, категорически заявил, что одного меня с «этими двумя гениями» больше не отпустит. Себя в число гениев

он, естественно, не включал. Я не возражал: дополнительная пара рук могла пригодиться, а если всё окажется обычной дырой в горе, будет кому надо мной посмеяться.

Правда, перед сном я снова поймал себя на мысли, что неизвестно, хочу ли я найти пещеру или, наоборот, надеюсь никогда её больше не увидеть.

* * *

Мы выехали ещё затемно. Мой Ford F-250 мерно урчал восьмицилиндровым двигателем, проглатывая милю за милей. Рядом устроился Джон с огромным термосом кофе, а на заднем сиденье расположился Зак Порода, помощник шерифа и по совместительству двоюродный брат Джона.

— Вот объясни мне, Володя, — начал Джон, — какого чёрта мы тащимся в горы в такую рань? Пещера твоя что, к обеду закрывается?

— Не ной. Сам напросился, — ответил я, не отрывая взгляда от дороги.

— Я напросился? Это ты чуть не сдох в какой-то дыре, а теперь мы должны её искать!

— Джон, — вмешался Зак, — если ты не перестанешь ворчать, я тебя высажу.

— Из чужой машины? — Джон повернулся к нему всем корпусом.

— Именно. Представляешь, какая у меня власть?

— У тебя даже термоса своего нет, власть имущий. — Джон отвернулся и демонстративно налил себе кофе.

До самого поворота на лесную дорогу они спорили, кто из них лучше подготовлен к спасательным операциям. Джон ссылался на строительный опыт и умение обращаться с тросами, Зак — на служебные инструкции. Я предложил сначала найти пещеру и только потом решить, кому выпадет честь тащить меня обратно. Оба почему-то замолчали.

Пикап оставили на прежнем месте, дальше шли пешком. Тропа была знакомой: поваленная сосна, ручей, валун, похожий на медвежью голову. Через час мы добрались до склона.

— Ну вот, — сказал я, останавливаясь. — Здесь.

Джон огляделся.

— Где именно?

— Вон там, за большими камнями.

Я уверенно направился к месту обвала и остановился. Оползень был на месте. Те же огромные глыбы, вывороченная земля, россыпь мелких камней. Даже сломанный куст можжевельника торчал там, где я его запомнил. А расщелины не было.

Вообще.

Я сделал несколько шагов вправо, потом вернулся обратно. Вот плоский валун с длинной белой прожилкой, похожей на молнию. Вот камень, на который я опирался, когда заглядывал внутрь. Всё совпадало до мелочей. Только между глыбами, где должен был чернеть широкий проход, теперь находилась сплошная скальная поверхность.

— Какого хрена?..

— Что такое? — спросил Зак.

— Вход. Он был здесь. — Я ткнул пальцем в скалу, будто Зак мог просто не заметить проход.

Джон подошёл ближе, заглянул за валун и нахмурился.

— Может, завалило?

— Чем? Посмотри на камни! Они лежат точно так же.

Зак присел, осмотрел землю и провёл ладонью по скале.

— Свежих следов обвала я не вижу. Ты говорил, вход был широкий?

— Метра два, не меньше. Я спокойно пролез с рюкзаком.

— Тогда это странно, — признал он.

Я обошёл глыбы, поднялся чуть выше, снова вернулся к белой прожилке. Никакой щели. Ни движения холодного воздуха, которое тогда заставило меня остановиться. Я приложил ладонь к шершавому камню, словно ожидал, что тот вдруг уступит под пальцами.

— Володя, — негромко позвал Джон. — Ты уверен, что мы на нужном месте?

Я показал на сломанный можжевельник, на прожилку и на валун, под которым тогда лежал рюкзак. Мне не требовалась карта — я помнил эту площадку слишком хорошо.

— Абсолютно.

Джон больше не спорил. Зак ещё некоторое время осматривал склон, потом предложил пройти вдоль осыпи. Мы прошли. Осмотрели соседние камни, проверили углубления и трещины. Ничего хотя бы отдалённо похожего на проход не обнаружилось.

Я сел на валун. В голове одна за другой возникали подробности: гладкий тоннель, круглый зал, рисунок на металлическом предмете, ледяной приступ боли. Я мог ошибиться насчёт времени, проведённого под землёй. Мог перепутать часть событий. Но как можно придумать целую пещеру, а потом безошибочно найти место, где она должна быть?

— Если хочешь, можем вернуться с геологом, — сказал Зак. — Только сначала давай разберёмся, что у нас вообще есть.

— У нас есть отличный вид на скалу, — отозвался Джон. — И человек, который очень хочет пробить в ней дырку взглядом.

Обычно я бы ответил. Сейчас даже улыбнуться не получилось. Ещё недавно я был уверен хотя бы в одном: пещера существовала. Теперь исчезло само место, где всё началось.

* * *

К вечеру Джон привёл меня в бар. По его словам, человеку с моим выражением лица противопоказано оставаться одному, зато полезно выпить чего-нибудь холодного и послушать, как другие несут чушь. За столом уже ждал Майк МакДи, владелец автомастерской, обслуживавшей мой пикап.

Передо мной поставили пинту Guinness. Джон и Майк заказали Maker's Mark со льдом.

— Значит, потерял пещеру, — задумчиво произнёс Майк.

— Не потерял. Она исчезла, — поправил я. Уже пожалел, что рассказал.

— Ага. Огромная пещера. Ты хоть объявление повесил? «Пропала. Отзывается на слово “тоннель”»?

Джон заржал. Я пригрозил обоим пальцем, хотя смеяться пока не очень хотелось.

— Камни на месте, обвал на месте, — продолжил Майк. — Может, ты просто ошибся?

— Конечно, Майк. Я по ошибке залез не в ту гору, провалялся там без сознания, а потом ещё и привёл вас посмотреть на неправильные камни.

— Вот видишь, — удовлетворённо кивнул он. — Можешь рассуждать логически, когда захочешь.

Джон поднял стакан.

— За то, чтобы наш русский больше не совал голову куда попало.

— За это я пить не буду, — сказал я.

— Тогда за то, что ты хотя бы вернулся.

Мы чокнулись. Из колонок доносилась музыка, вокруг разговаривали люди, кто-то смеялся у барной стойки. Обычный вечер, который ещё неделю назад я и не подумал бы ценить.

Майк выждал, пока я сделаю глоток.

— Кстати, Володя, раз уж у тебя всё равно пропал вход в пещеру, загони ко мне пикап. Ты когда масло последний раз менял?

— Майк, мы сейчас серьёзно? — Я задержал пинту на полпути ко рту.

— Абсолютно. Пещеру ты уже потерял. Давай хотя бы двигатель сохраним.

Даже я не выдержал и рассмеялся. Напряжение понемногу отпускало. Джон, заметив это, сразу начал рассказывать Майку, как я утром пытался нащупать проход в совершенно глухой

скале. В его изложении получалось, что я минут двадцать вежливо стучал камню в дверь и просил пустить меня домой. Пришлось объяснить, что он врёт. Минут было не двадцать, а десять.

Мы просидели ещё немного. Ни Джон, ни Майк не назвали меня сумасшедшим. Они спорили, шутили и по-своему пытались вернуть меня к обычной жизни. Я смотрел на друзей и понимал, что благодарен им за это больше, чем готов признать вслух.

Но, допивая пиво, машинально провёл большим пальцем по светлым линиям на левой ладони. Камень в горах мог оказаться сплошным. Воспоминания — ненадёжными. А вот знак никуда не делся.

Глава 3 Новые знакомства

Понедельник начался с видеосовещания. Менеджер уже четверть часа рассуждал о прозрачности процессов и улучшении коммуникаций. В переводе с корпоративного английского это означало: «Ребята, давайте работать лучше, но так, чтобы мне не пришлось объяснять, каким образом». Я кивал, держа кружку кофе перед камерой. За годы удалённой работы я освоил три полезных навыка: вовремя соглашаться, выглядеть заинтересованным и никогда не спрашивать, почему вопрос, решаемый двумя письмами, обсуждают всем отделом.

— Владимир, кстати, хотел отдельно отметить твою работу на прошлой неделе, — объявил менеджер. — Результаты впечатляют. Отличная производительность, почти никаких замечаний по коду.

— Спасибо. Рад, что удалось помочь команде, — ответил я с положенной случаю улыбкой. Кружку опустил: пусть видят, как я рад.

На самом деле я старательно скрывал масштабы собственной производительности. Наша группа занималась сложными программными системами, в том числе задачами машинного обучения и искусственного интеллекта. Специалистов, способных самостоятельно вести такую работу, было немного; платили соответственно, а удалённый формат позволял жить хоть посреди Монтаны. Но даже в нашей компании никому не требовался сотрудник, который за неделю внезапно научился выполнять месячный объём задач. Такое сначала вызывает восторг, а потом становится новой нормой, за которую тебе не доплачивают.

Мысли, впрочем, занимала совсем не работа. После безрезультатной поездки к исчезнувшей пещере я случайно наткнулся на китайский форум программистов. Собирался воспользоваться переводчиком, но из любопытства попробовал прочитать обсуждение сам. Сначала видел лишь знакомые фрагменты кода среди совершенно непонятных иероглифов. Потом вдруг начал улавливать смысл отдельных фраз. Через двадцать минут уже понимал, о какой ошибке спорят участники и почему один из предложенных способов её исправления никуда не годится.

Я проверил настройки браузера. Автоматический перевод был выключен. Скопировал отрывок в обычный текстовый редактор — понимание никуда не исчезло. Тогда открыл немецкий технический сайт. Снова первые строки давались с трудом, затем смысл стал проступать всё отчётливее. Знакомые понятия и контекст, конечно, помогали, но не до такой степени. Если бы меня попросили свободно поговорить по-китайски или по-немецки, получился бы позор международного масштаба. А вот читать я почему-то мог.

— Владимир, что думаешь?

Я вздрогнул и едва не пролил кофе. На экране менеджер смотрел на меня с выражением человека, только что задавшего чрезвычайно важный вопрос. О чём именно он спрашивал, я не имел ни малейшего понятия.

— Извини… Повтори последнюю часть, — попросил я, отставляя кофе подальше от клавиатуры.

Оказалось, речь шла о переносе сроков. Я принял серьёзный вид.

— Прежде чем что-либо переносить, давайте посмотрим зависимости между задачами. Иначе одна маленькая правка потянет за собой остальные.

— Отличная мысль! — оживился менеджер. — Именно системный подход нам и нужен.

Коллеги одобрительно закивали. Я выключил микрофон.

— Господи, да вы бы хоть раз попробовали работать.

Однако собственная фраза меня зацепила. Зависимости. Закономерности. Именно их я неожиданно легко находил и в коде, и в незнакомом тексте. Не похоже, чтобы в голове вне-

запно появилась готовая энциклопедия китайского языка. Скорее я стал гораздо быстрее разбираться с тем, чего ещё минуту назад не понимал. Мысль была заманчивой, но проверять её следовало осторожно. Одно дело — техническая переписка, где половину смысла можно угадать по примерам кода. Другое — совершенно незнакомый материал.

После совещания я как раз открыл сложную статью по математике, которую раньше отложил бы до лучших времён, когда снаружи послышался знакомый двигатель. К дому подкатил пикап Джона. Через минуту раздался стук.

— Открывай, русский! Гуманитарная помощь прибыла!

Джон стоял у кузова, довольно ухмыляясь, и показывал на здоровенный картонный ящик.

— Это ещё что? — спросил я.

— Подарок. Помогай тащить.

Ящик оказался тяжёлым. Мы вдвоём внесли его в дом и опустили возле стола. На боку красовалась надпись: «.17 HMR — 5000 ROUNDS».

— Пять тысяч патронов? — Я ещё раз пересчитал нули на коробке. — Джон, ты кого-то ограбил?

— Рик Уайт расщедрился. Приглашает в субботу на ранчо. Говорит, пора проредить гоферов, пока они всё пастбище не перекопали.

Гоферами здесь называли земляных белок, которые рыли норы на пастбищах. Для скота такие ловушки были опасны: корове достаточно неудачно угодить копытом в отверстие, чтобы ранчер получил серьёзную проблему и немаленький счёт от ветеринара. Поэтому владельцы земли часто приглашали стрелков, а некоторые ещё и снабжали патронами.

— Пять тысяч? — переспросил я. — У Рика там что, отдельное государство грызунов?

— По его словам, всё поле как швейцарский сыр. Только сыр ещё и под землю убегает.

Рика Уайта я прежде встречал лишь мельком. Знал, что у него большое ранчо и ещё несколько предприятий, а местные с одинаковой уверенностью называли его то миллионером, то просто обычным фермером.

— Значит, богатый человек решил профинансировать нашу войну с белками?

— Он предпочитает слово «ранчер», — поправил Джон с такой важностью, словно его назначили представителем Рика.

— А от денег уже отказался?

— Судя по его имуществу, пока нет.

Джон хлопнул ладонью по ящику и направился к двери. Ему ещё надо было заехать на стройку.

— В субботу не опаздывай. И в этот раз охотимся только на поверхности. Никаких пещер.

— Спасибо, мама, — бросил я ему вслед.

— Всегда пожалуйста, сынок. Особенно если вернёшься с тем же количеством дырок, с каким приехал.

Когда его пикап исчез за поворотом, я ещё некоторое время смотрел на коробку. Неплохое приглашение. После истории с пещерой хотелось заняться чем-нибудь простым и понятным, где неизвестные технологии не участвуют, а единственная загадка — сколько патронов Майк потратит на пристрелку.

Но ночи спокойнее не стали.

Сновидения словно продолжали друг друга, хотя восстановить их последовательность я не мог. В одном я наблюдал светящиеся фигуры, свободно вращавшиеся в пустоте. Стоило сосредоточиться на какой-нибудь детали, и она будто приближалась; остальные исчезали в темноте. В другой раз передо мной возникли прозрачные плоскости с рядами незнакомых символов. Я пытался понять, что они означают, но каждый раз, когда ответ казался близким, просыпался.

Особенно странным было ощущение, что некоторые фигуры реагируют на моё внимание. Один раз мне удалось изменить расположение элементов, просто пожелав этого. Следующей ночью я старался повторить опыт, но ничего не вышло. Возможно, всё это было обычной бессмыслицей сновидений, которой проснувшийся мозг задним числом придавал порядок. Доказать обратное я не мог.

В четверг мне приснилось, будто прозрачные плоскости располагаются слоями, как окна программы, только в трёх измерениях. Я словно узнавал принцип их устройства, хотя никогда ничего подобного не видел. К утру от уверенности осталось одно неприятное чувство: будто на мгновение вспомнил важную инструкцию и тут же забыл.

В пятницу вечером я сидел у окна с кружкой кофе и без особой надежды пытался восстановить эту картину. Не формы, не символы — именно ощущение, с которым во сне обращал на них внимание. Перед внутренним взором возникла смутная схема. Я машинально попытался рассмотреть её ближе.

И вдруг поверх комнаты проступили несколько полупрозрачных плоскостей.

Я замер. За ними по-прежнему виднелись стол, окно и деревья за стеклом. Стоило моргнуть — изображение осталось. Я повернул голову, и странная конструкция переместилась вместе с моим взглядом, не закрывая окружающие предметы. На плоскостях тянулись ряды символов, ни один из которых я не мог прочесть.

— Так... — осторожно произнёс я.

Изображение дрогнуло и исчезло.

Я отставил кофе и несколько минут сидел совершенно неподвижно. Затем закрыл глаза, представил те же плоскости и попробовал повторить ощущение. Ничего. Пришлось пройтись по комнате, открыть окно и убедиться, что я окончательно проснулся. Тесты были, конечно, так себе, но других способов проверить происходящее под рукой не имелось.

Когда я уже раздражённо махнул рукой, прозрачные грани появились снова. На этот раз всего на секунду. Один символ словно выделился ярче остальных, но стоило мне попытаться его рассмотреть, как всё пропало.

Я медленно опустился в кресло.

— Ну здравствуй. Только что ты такое?

Ответа не последовало. Следующий час я без особого успеха пытался вызвать конструкцию снова. Иногда она возникала, чаще — нет. Я попробовал сосредоточиться на определённом символе, потом мысленно обратиться к непонятной штуковине. Никакой последовательности. Наконец не выдержал и сказал вслух:

— Открыть настройки.

Комната осталась прежней.

— Прекрасно, Орлов. Осталось крикнуть «Абракадабра» и помахать волшебной палочкой.

К полуночи я выяснил лишь то, что странная структура иногда появлялась перед глазами не только во сне. Судя по всему, это был интерфейс — во всяком случае, слишком уж походило. Хотя что именно он отображал и кто его создал, я пока понятия не имел. С моими новыми способностями это особенно раздражало: сложнейший код теперь казался прозрачным, а собственная голова упорно отказывалась предоставить руководство пользователя.

Укладываясь спать, я подумал, что в субботу хотя бы смогу отвлечься на нормальную человеческую деятельность. Стрельба по гоферам представлялась удивительно здоровым развлечением.

* * *

Утром на ранчо собралась вся компания: я, Джон, Майк, Зак и, к моему удивлению, доктор Эрик Науер. Последний приехал с видом человека, который отправляется не стрелять по грызунам, а принимать солнечные ванны на дорогом курорте.

У ближнего загона стояли лошади — Рик держал их около десятка, и для работы со скотом, и для прогулок. Одна гнедая потянулась мордой к Джону; тот привычно почесал её между ушами, даже не прервав разговора.

— Эрик, а пациентов кто лечить будет? — Я заглянул ему за спину: доктор привёз вполне серьёзный оружейный кейс.

— Сегодня суббота, Владимир, — Эрик с удовольствием оглядел пастбище. — У меня выходной.

— А если кому-то срочно понадобится врач?

— Вот он я. — Эрик развёл руками. — С винтовкой и аптечкой. Универсальный специалист.

— Главное, не перепутай, из чего лечить, а из чего стрелять, — сказал я и на всякий случай отступил от кейса.

Эрик рассмеялся и пошёл доставать снаряжение.

Пастбище тянулось до далёких холмов, покрытое невысокой сухой травой. Земля местами выглядела так, будто её неделю без выходных обрабатывала бригада крошечных экскаваторов. Гоферы то и дело высовывались из нор, оглядывали окрестности и снова исчезали под землёй. Вдали паслись коровы; мы сразу определили безопасные направления стрельбы, исключив сектор со стадом.

Поскольку ходить по горам сегодня никто не собирался, мы привезли складные столы, стулья, упоры и термосы с кофе. Майк раскладывал оборудование так тщательно, словно готовился к чемпионату.

— Майк, строительный уровень не забыл? — спросил я.

— Смейся, смейся, — буркнул Майк, поправляя упор на какой-то невидимый мне миллиметр. — Потом посмотрим, кто больше попадёт.

— Дети, не ссорьтесь, — вмешался Эрик. — В нашем возрасте пора научиться достойно проигрывать.

— Эрик, — заметил Джон, — ты здесь самый старший.

— Вот поэтому у меня больше опыта.

Доктор открыл кейс. Внутри лежала Anschütz с красивым деревянным прикладом и оптикой Swarovski. Оружие выглядело так, будто его следовало демонстрировать под стеклом, а не укладывать среди пыли и сухой травы.

— Ты случайно не перепутал стрельбище с выставкой? — поинтересовался я.

— Хорошее оружие должно радовать не только результатом, Владимир.

— Тогда не забудь белые перчатки.

— Завидуй молча, — посоветовал Эрик, бережно вынимая винтовку из кейса.

Я достал свою Christensen Arms с прицелом US Optics. Эрик оглядел её и усмехнулся:

— А у тебя, разумеется, образец скромности?

— По сравнению с твоим музейным экспонатом — вполне.

Мы ещё перебрасывались замечаниями, когда со стороны ворот подъехал запылённый пикап. Из него выбрался мужчина лет шестидесяти, крепкий, широкоплечий, в старых джинсах, клетчатой рубашке и выцветшей ковбойской шляпе. Он осмотрел наши столы, винтовки и ящики с патронами и довольно усмехнулся.

— Ну что, парни, готовы помочь с моей проблемой?

— Рик! — Джон махнул рукой. — А мы думали, ты только боеприпасы выделишь.

— Ага, разбежались. Самое интересное вам оставить?

Это был Рик Уайт. Он пожал руки знакомым, затем остановился передо мной.

— Владимир Орлов?

— Он самый.

— Рик Уайт. Джон говорит, ты хороший охотник.

— Джон любит преувеличивать.

— Особенно когда рассказывает о себе, — вставил Майк.

— Пошёл ты, — добродушно отозвался Джон.

Рик засмеялся и крепко пожал мне руку. Вблизи он совсем не походил на человека, вокруг которого ходят разговоры о серьёзном состоянии: обветренное лицо, старые рабочие ботинки, никаких дорогих украшений. Зато смотрел внимательно, без суеты, словно привык быстро оценивать и людей, и обстановку.

— Спасибо за патроны, — сказал я. — Пять тысяч штук — щедрое приглашение.

— Дешевле, чем платить ветеринару. В прошлом году тёлка угодила ногой в нору. Потеряли животное. — Рик носком ботинка отодвинул комок земли. — Посмотри, что эти маленькие засранцы устроили. Скоро землю можно будет сдавать под строительство подземных гаражей.

— Серьёзное у них предприятие.

— И работают, сволочи, без выходных. Вот бы мне таких сотрудников.

Из кузова Рик достал жёсткий оружейный кейс. Внутри оказалась заказная винтовка под .17 HMR с тяжёлым стволом и оптикой Schmidt & Bender. Я присмотрелся к аккуратно подогнанным деталям и присвистнул.

— Красивая вещь. Под заказ собирали?

— Долго подбирали, пока не получил то, что хотел.

— И прицел серьёзный для такого калибра.

— Глаза уже не те. Люблю хорошо видеть, куда смотрю.

Майк, разглядывавший винтовку через моё плечо, не удержался:

— И сколько ты за неё отдал?

— Достаточно, чтобы жена не обрадовалась, если бы узнала, — ответил Рик, не отрываясь от защёлки кейса.

— У тебя же нет жены, — заметил Джон.

— Вот поэтому я и могу себе её позволить. — Рик поднял голову и посмотрел на Джона. Тот первым не выдержал и фыркнул.

После этого Рик мне окончательно понравился.

Мы заняли места вдоль пастбища, ещё раз проверили сектора и убедились, что скот остаётся в стороне. Кофе из термоса Джона пах на удивление прилично. Из ближайшей норы высунулась рыжеватая мордочка и уставилась на нашу компанию с таким видом, будто собиралась проверить документы.

— Господа, — торжественно объявил Майк, устраиваясь за винтовкой, — ежегодное собрание общества защиты крупного рогатого скота считаю открытым.

— Меньше речей, — проворчал Рик. — У меня тут целая подземная мафия окопалась.

День пролетел незаметно. Мы стреляли, спорили о результатах, подтрунивали друг над другом и делали перерывы на кофе. Рик оказался отличным собеседником: знал своё хозяйство до последней ограды и мог совершенно серьёзно обсуждать цену кормов, а через минуту рассказывать такую историю о неудачливом помощнике, что вся компания сгибалась от смеха. За несколько часов я ни разу не вспомнил о пропавшем входе в пещеру. Почти ни разу.

Убрав оружие, мы ещё успели ненадолго выбраться верхом вдоль дальних загонов: Рик ехал впереди, Джон с Майком продолжали спорить о попаданиях, а Зак и Эрик без спешки держались рядом со мной. В седле все чувствовали себя привычно; я только прикидывал, не придётся ли завтра работать стоя после целого дня на свежем воздухе.

К вечеру Рик заявил, что после помощи с гоферами обязан накормить всех ужином, и отвёз нас в бар. Возражающих не нашлось. Майк с Джоном немедленно затеяли спор о меткости, Зак утверждал, что ему достался самый неудобный сектор, а Рик заметил, что гоферам, по всей видимости, тоже не понравились условия соревнования.

Когда Джон и Майк отправились к бильярдному столу, а Зак отошёл поздороваться со знакомыми, мы с Эриком остались вдвоём. Доктор неторопливо потягивал свой Maker's Mark и выглядел совершенно довольным жизнью. Я некоторое время колебался, затем всё-таки решился.

— Эрик, можно вопрос? Только неофициально.

Он взглянул на меня поверх стакана.

— Когда пациент начинает со слов «только неофициально», врач обычно готовится к чему-нибудь интересному.

— Мне после пещеры постоянно снятся странные сны. — Я понизил голос, хотя за соседним столом нас никто не слушал. — Какие-то задачи, схемы, символы. Иногда кажется, что во сне я пытаюсь разобраться в вещах, которых никогда не изучал.

Доктор поставил стакан.

— А днём как себя чувствуешь? Головные боли, головокружения, проблемы с памятью?

— Ничего такого. Наоборот, отлично.

— Сон полноценный?

— Вроде да. Только иногда просыпаюсь с ощущением, что всю ночь сдавал экзамены в университете для сумасшедших.

Эрик улыбнулся, но сразу же посерьёзнел.

— После потери сознания к таким вещам стоит относиться внимательно. Однако сами по себе необычные сны ещё не означают болезни. Если появятся новые симптомы или станет трудно отличать сон от реальности, сразу приходи. И тогда будем разбираться предметно.

— А пока? — Я ждал чего-нибудь определённее.

— Пока не исключаю, что мозг просто продолжает ночью твою дневную работу. Ты ведь постоянно решаешь сложные задачи, читаешь техническую документацию. Плюс недавний стресс. Но я не собираюсь делать окончательные выводы по разговору в баре.

— Значит, лечиться пока не надо? — спросил я, стараясь придать вопросу шутливый тон. Получилось не очень.

— Отдыхать надо. Возьми отпуск. Найди новое увлечение. Или хотя бы попробуй на время оторваться от компьютера.

Я покачал головой.

— Неделю назад ты советовал мне жениться. Теперь предлагаешь бросить работу. В следующий раз я приду с больным коленом, а ты скажешь: «Ампутируем, Владимир, заодно похудеешь».

Эрик едва не подавился виски.

— Я сказал «возьми отпуск», а не «увольняйся»!

— Поздно, — я откинулся на спинку стула. — Уже мысленно продал дом и записался в монастырь.

— В монастырь тебе нельзя.

— Почему?

— Там тоже придётся думать, — мягко пояснил Эрик, выдержав ровно ту паузу, за которую я успел заподозрить подвох.

Я расхохотался. Доктор поднял стакан.

— Festina lente, Владимир.

— Опять латынь?

— Поспешай медленно. А по-человечески — не пытайся за один вечер объяснить всё, что с тобой случилось.

— За это стоит выпить.

К столику вернулся Джон и с подозрением посмотрел на наши довольные физиономии.

— Чего ржёте?

— Эрик опять пытается меня женить, — сообщил я. — А заодно советует уволиться.

Джон задумался.

— Насчёт увольнения не знаю. А жениться тебе действительно не помешало бы.

— Господи, да вы сговорились!

Все трое рассмеялись. Я потянулся за пивом — и вдруг на мгновение заметил между собой и столом тонкую прозрачную грань с несколькими светящимися символами. Рука застыла на полпути. Я моргнул, и грань исчезла.

— Володя? — спросил Джон. — Ты чего завис?

— Да так. Подумал, сколько ещё советов о личной жизни мне сегодня придётся выслушать.

Джон немедленно принялся рассказывать о знакомой, с которой мне непременно следовало познакомиться. Эрик согласно кивал. Я отвечал в нужных местах, даже улыбался, но краем глаза всё ещё искал исчезнувшие символы.

Никто за столом ничего не заметил.

Глава 4. Шаг в неизвестность

К понедельнику я окончательно убедился: после пещеры со мной происходит нечто ненормальное. Раньше обычные задачи занимали пять-шесть часов, теперь я справлялся за полчаса. Коллеги хвалили качество кода, менеджер снова отметил мою производительность, а я старательно делал вид, что ничего особенного не происходит. В корпорации ведь как? Сделал за день недельную норму — получи ещё три проекта. Спасибо, не надо.

Освободившееся время я посвятил изучению собственных странностей. Сны продолжались. Ночами я видел сложные структуры, которые по привычке называл математическими, хотя привычных уравнений там не было. Иногда стоило изменить один элемент — и вся конструкция перестраивалась. Иногда условия задачи менялись прямо посреди решения. Сначала это раздражало, потом я заметил: за всеми превращениями скрыта строгая логика. Надо только научиться её распознавать.

Однажды во сне мне показали модель общества, разделённого на группы с разными интересами. Я попытался перераспределить ресурсы — стало хуже. Изменил правила общения — всё развалилось. А затем нашёл едва заметную связь, из-за которой стороны неправильно понимали друг друга. Стоило её изменить, и система пришла в равновесие.

— Социоматематика, — сказал я утром, разглядывая потолок.

Название звучало немного по-дурацки, зато подходило. Логика, психология, математика и устройство общества в этой странной модели оказывались частями одной задачи.

Через пару дней я добрался до статей по квантовой физике. Раньше мне понадобился бы учебник, чтобы хотя бы разобраться в обозначениях. Теперь незнакомые идеи постепенно складывались в цельную картину. Не то чтобы я вдруг сделался великим физиком: при попытке записать свои догадки нормальным математическим языком быстро выяснилось, сколько ещё нужно изучить. Но смысл сложнейших построений перестал быть для меня непроницаемым.

И тут меня осенило. Я всё это время неправильно понимал, что делает со мной эта странная штука. Ну… назовём это системой. По крайней мере, пока. Она не вкладывала мне в голову готовые ответы. Она учила меня учиться. Находить закономерности, проверять собственные ошибки, переносить освоенный способ мышления на новую задачу. Не энциклопедия в черепе, а способность разбираться в том, чего ещё вчера не знал.

— Великолепно, — пробормотал я. — Осталось выяснить, кто устроил мне такую переподготовку и за чей счёт банкет.

С публикацией научных открытий я решил повременить. Представил заголовок: «Программист из Монтаны разобрался с фундаментальной физикой после неудачной охоты». Потом представил вопросы журналистов, профессоров и людей, которые задают вопросы совсем не ради науки. Нет уж. Лучше пока молчать.

С интерфейсом тоже наметился прогресс. Полупрозрачные фигуры из снов иногда появлялись перед внутренним взором наяву. Я обнаружил, что напряжение только мешает. Стоило расслабиться и мысленно обратиться к системе, как она откликалась охотнее. Поначалу попытки управлять её элементами напоминали разговор с компьютером без клавиатуры, мыши и инструкции. Я пытался переместить маленькую фигуру — поворачивалась вся конструкция. Хотел увеличить знак — исчезала половина изображения.

— Это писал человек, который никогда не слышал о нормальном интерфейсе, — пожаловался я пустой комнате. И поправился: — Если вообще человек.

В конце концов я сумел придать части элементов более привычный вид: прямоугольные окна, разделы, похожие на меню. Суть системы от этого, судя по всему, не изменилась, зато хотя бы стало понятно, куда смотреть.

Оставался вопрос: вижу ли я всё это глазами? В среду я проверил систему в кофейне. Сидел возле окна с бумажным стаканом американо, наблюдал за посетителями и осторожно вызвал знакомую панель. Никто не обернулся. Фигуры не заслоняли столы и людей; я одновременно воспринимал и их, и окружающую обстановку. Скорее всего, изображение возникало непосредственно в сознании. Очень удобно. И очень тревожно.

К субботе мне надоело сидеть над загадкой. На воскресенье я запланировал поездку в горы: давно хотел испытать новую партию пуль и проверить собственную стрельбу на дальних дистанциях. День перед поездкой провёл в мастерской.

Мой угол для релоудинга давно стал отдельным маленьким царством. Тяжёлый верстак, два пресса — Forster Co-Ax XL и Dillon, аккуратно расставленные инструменты, коробки, записи и журналы предыдущих испытаний. Каждый пресс служил своей цели, и я уже не представлял мастерскую без любого из них. Высокоточная стрельба постепенно превратилась в дорогостоящее искусство проделывания маленьких отверстий в бумаге. Зато какое удовольствие!

Я любил ритм этой работы. Тишина, порядок, сосредоточенность и никакого менеджера с презентацией о командном взаимодействии. Разложил материалы, занялся подготовкой новой партии, сверил записи и отложил всё, что вызывало хотя бы малейшие сомнения. Теперь я замечал мелочи быстрее прежнего, но осторожности это не отменяло.

— Только не хватало, чтобы мне новые мозги старые пальцы оторвали, — заметил я, заканчивая работу.

В воскресенье выехал затемно на своём Ford F-250. Джону заранее отправил сообщение, что еду стрелять и к вечеру вернусь, а в пещеры не полезу, даже если там раздают бесплатное пиво. Он ответил советом не потерять машину. Старый хрыч.

Выбранная долина была знакома мне по прошлым тренировкам: лесистые склоны, естественный откос на дальней стороне, прозрачный горный воздух. Я проверил обстановку, подготовил место и разложил снаряжение. Предстоял долгий день, но я никуда не торопился.

Начал с пятисот метров. После первой серии долго смотрел на мишень через зрительную трубу. Результат был лучше обычного. Повторил — ещё лучше. На восьмистах метрах картина повторилась. Здесь я задержался подольше: посмотрел на дальний склон, на колеблющуюся траву, а затем снова на мишень. Результаты уже не походили на случайную удачу. Раньше мне приходилось сознательно следить за множеством мелочей и бороться с собственными ошибками. Теперь всё словно складывалось воедино без усилий. Я не стрелял быстрее, зато движения стали точнее и спокойнее.

На тысяче метров я особенно внимательно изучил результат и занёс его в планшет: пять выстрелов, около 0,4 MOA. Раньше я счёл бы такой результат редкой удачей. Теперь же он повторялся. Конечно, новые боеприпасы могли сыграть свою роль, но одними патронами подобное объяснить было трудно. Я стал лучше замечать ветер, положение тела и десятки других факторов, прежде требовавших напряжённой концентрации.

— Неплохо, Орлов, — сказал я, выключая планшет. — Очень неплохо.

К полудню закончил, убрал за собой и сложил снаряжение в пикап. Затем задержался на небольшом возвышении. Осень в Монтане была великолепна: жёлтые осины, тёмные сосны, первые следы снега на дальних вершинах. Именно ради таких минут я сюда и перебрался.

Неожиданно мне захотелось ещё раз вызвать интерфейс. Знакомые окна возникли почти сразу. В углу одной панели светилась группа символов, напоминавшая настройки. Я выделил один знак. Тот словно откликнулся на моё внимание. Я мысленно нажал на него — и на мгновение увидел объёмную конструкцию, которая тут же исчезла. Вместе с нею пропали и все остальные окна.

— Так… И что это было? — спросил я вслух, ещё пытаясь удержать в памяти исчезнувшую конструкцию.

Вокруг ничего не изменилось. Та же долина, те же деревья. Но прямо передо мной, примерно в шаге, ощущалось что-то непонятное. Невидимая граница. Я переместился в сторону — ощущение осталось на прежнем месте. Протянул руку и замер.

В памяти немедленно всплыла пещера. Каменный зал, странная колонна и двенадцать часов, вычеркнутых из моей жизни. На ладони белел тонкий шрам в форме лямбды. Я медленно опустил руку.

Можно было сесть в пикап и уехать. Разумное решение. Но ведь до сих пор я даже не понимал, что со мной произошло. А сейчас передо мной впервые возникло нечто, на что мог воздействовать я сам.

Машинально коснулся кобуры на поясе. Глок был на месте — привычное снаряжение для поездки в горы, где можно столкнуться с крупным зверем. Против загадок пространства, правда, толку от него немного.

— Ну да, Орлов. Сейчас ты эту аномалию пристрелишь, — пробормотал я и убрал руку с кобуры.

Ветер чуть шевелил траву. Я оглянулся на пикап, потом снова посмотрел туда, где ничего не было видно, но где я совершенно отчётливо чувствовал проход. На этот раз решение предстояло принять самому.

Я перенёс вес на левую ногу, поднял правую — и шагнул вперёд.

Глава 5. Обратный билет

Грохот получился такой, будто на мою кухню свалился целый шкаф. На самом деле свалился я — с воплем, достойным человека, которому внезапно подставили вместо горной тропы собственный линолеум.

Только теперь я сообразил, что произошло: нога, которой полагалось опуститься на каменистую землю, встретила гладкий пол. Локтем я снёс со стола кружку, по пути опрокинул стул и приземлился на задницу. Кружка разлетелась вдребезги, стул ударился о шкаф. От испуга я ещё и заорал так, что, наверное, перепугал всех белок в округе. Те ребята, которые всё это создали, наверное, сейчас сидят, смотрят на меня и ржут.

Несколько секунд сидел, тупо разглядывая холодильник.

— Твою мать…

За окном была моя терраса. На столе лежала почта, которую я утром поленился разобрать. Даже кофейная ложка осталась там, где я её бросил.

Я посмотрел на часы. Потом на холодильник ещё раз.

— Телепорт, что ли?.. — спросил я у холодильника. Потёр ушибленный локоть. — Я худею, дорогая редакция. Охренеть!

Перед глазами невозмутимо всплыл знакомый интерфейс.

— Очень своевременно, — сообщил я ему. — Кнопку «Осторожно, ступенька» приделать не судьба?

Ответа, разумеется, не последовало.

Я поднялся, отряхнул брюки и попробовал думать. Итак, утром я уехал в горы. Пикап, винтовка, рюкзак и прочее добро оставались там, в нескольких десятках километров. А я стоял на собственной кухне рядом с осколками любимой кружки.

Вариантов имелось два. Первый — позвонить Джону и попросить подвезти меня к машине. Второй — научиться пользоваться штуковиной, которая только что проделала со мной этот фокус.

Объяснять Джону, почему я приехал домой без автомобиля, не хотелось совершенно.

— Ладно, чудо инженерной мысли. Где у тебя обратный билет?

Я сосредоточился на том знаке, который активировал перед невидимой границей. Теперь рядом с ним возникла похожая конструкция, но словно вывернутая наизнанку. Когда я мысленно представил площадку в горах, её линии изменили расположение.

Интересно.

Я приблизил символ, подумал о пикапе и осторожно подтвердил выбор. В метре от меня возникло знакомое ощущение плотного, неподвижного пространства.

Перед тем как войти, предусмотрительно поставил стул на место. Следующее падение могло оказаться менее удачным.

Сделал шаг.

Вместо холодильника передо мной стоял мой Ford. Под подошвой хрустнул гравий. Пахнуло хвоей и холодным осенним воздухом.

— Работает!

На этот раз я устоял, хотя рука сама собой потянулась в сторону, ища опору.

Я обошёл пикап, потрогал тёплый капот, потом посмотрел на совершенно обычную горную долину. За несколько секунд я побывал дома и вернулся обратно. Семьдесят с лишним километров — без дороги, бензина и даже намёка на ускорение.

Первым порывом было повторить всё ещё раз. Вторым — вспомнить, что увлечение неизвестными технологиями уже однажды стоило мне двенадцати часов жизни и нескольких весьма неприятных дней.

— На сегодня аттракцион закрыт, — решил я.

По дороге в Колумбия-Фолс отправил Джону сообщение, что благополучно возвращаюсь. Ответ пришёл почти сразу: вся компания собралась на ранчо Рика, где Майк пытался приготовить мясо, а остальные старались не допустить пожара.

От хорошего барбекю после такого дня отказываться было бы глупо.

* * *

На ранчо пахло дымом, жареной говядиной и свежескошенной травой. Джон что-то громко доказывал Заку, Майк возился у гриля, а Рик, заметив мой пикап, поднялся с крыльца.

— Вовремя ты. Ещё немного — и Майк начнёт кормить нас обещаниями вместо ужина.

— Я слышал! — отозвался Майк.

— Так я на это и рассчитывал, — невозмутимо сказал Рик. Он пожал мне руку и кивнул на свободное кресло возле стола. — Садись, Володя. Твоё любимое место не заняли.

На столе уже стояла холодная бутылка того напитка, который я обычно выбирал. Рик запомнил такую мелочь, хотя я едва ли упоминал о ней больше раза.

— Ну как день? — спросил он, когда я устроился.

— Познавательно, — я вытянул ноги под столом. — Но второй такой сегодня не потяну.

— В горы опять забирался?

— Ага. Красиво там. Особенно когда понимаешь, что до дома ещё ехать и ехать.

— Тогда ешь побольше. Майк столько мяса приготовил, что нам придётся звать соседей.

— Если приготовил, — уточнил Зак.

Майк показал ему щипцами, что думает о подобных замечаниях.

— Удивительные люди, — пожаловался он мне. — Каждый раз всё съедают и каждый раз сомневаются.

— Мы просто поддерживаем тебя в тонусе, — объяснил Джон.

Рик подвинул ко мне тарелку с закусками.

— Ты их не слушай. Здесь никто не признается, что готовить не умеет. Поэтому готовит Майк.

— А ты? — спросил я.

— А я помещение предоставляю, — Рик устроился поудобнее. — И под руку не лезу. Тоже полезное дело.

— Слова мудрого человека.

— Запомни их. Особенно когда Джон предложит помочь тебе чинить крышу.

— Эй! — возмутился Джон. — Я однажды помогал тебе с забором!

— Помню. Именно поэтому и предупреждаю.

За столом захохотали. Джон изобразил оскорблённое достоинство, но тут же потянулся за закуской.

Я откинулся в кресле. Рик ни о чём больше не спрашивал, только подвинул ко мне салфетки, когда я уронил кусок закуски на рубашку. Тем временем Зак с Майком успели заспорить, нужен ли мясу соус. Рик прислушался:

— Если мясо хорошее, его и без соуса съедят. Если плохое, соус не спасёт. Давайте уже проверим, к какой категории относится сегодняшний ужин.

— Вот поэтому он и хозяин, — сказал я. — Умеет заканчивать бесполезные совещания.

— Зато никогда не начинает полезных, — добавил Джон.

Рик только развёл руками.

Эрик Наур сидел чуть в стороне. Обычно доктор включался в такие перепалки с удовольствием, но сегодня больше слушал. На одну из шуток он улыбнулся с заметным опозданием, словно вернулся мыслями откуда-то издалека.

— Док, у тебя всё нормально? — спросил я негромко, когда остальные отвлеклись на Майка.

— Да, Володя. — Эрик провёл пальцем по краю стакана. — Просто не лучший день.

— Работа?

— И она тоже, — ответил он, не поднимая глаз.

По тону было ясно, что продолжать он не хочет. Я не стал давить. Рик, проходя мимо с тарелкой, остановился возле Эрика.

— Если надоело сидеть со всеми, в доме тихо. И кофе там есть. Сам знаешь где.

— Спасибо, Рик. Я в порядке.

Рик кивнул и ушёл к грилю. Эрик проводил его взглядом, потом придвинул к себе стакан. Больше никто его не расспрашивал.

Наконец Майк вынес мясо. Споры закончились примерно на три минуты — ровно столько потребовалось всем, чтобы набить рот. Потом Джон заявил, что на следующей неделе сам встанет у гриля. Рик без колебаний предложил перенести встречу на другое ранчо.

— Почему? — не понял Джон.

— Не хочу испытывать судьбу два раза подряд.

Вечер получился хорошим. Болтали о погоде, о работе, о том, куда выбраться в выходные. Ничего особенного — как раз то, чего мне и хотелось после сегодняшних приключений. Только Эрик оставался непривычно молчаливым.

Когда мы прощались, я задержался возле его машины.

— Слушай, если что-то случилось, ты знаешь, где меня найти.

Эрик посмотрел на меня, слегка улыбнулся и положил ладонь мне на плечо.

— Спасибо, Володя. Правда. Но пока говорить не о чем.

Мне не понравилось это «пока». Однако расспрашивать дальше я не стал.

* * *

В понедельник я закончил рабочие задачи минут за сорок. Начальство получило ровно столько результатов, сколько ожидало, а остальное время я посвятил исследовательской деятельности, за которую никто не собирался платить.

Прежде всего — портал.

Так я решил его называть. «Пространственно-временной переход» звучало солиднее, но в разговоре с самим собой быстро утомляло. Кроме того, я пока совершенно не знал, перемещаюсь ли именно в пространстве или происходит нечто куда более хитрое.

Первое открытие оказалось простым: знакомый символ не задавал маршрут сам по себе. Он скорее подтверждал выбранное направление. Стоило представить кухню, и расположение элементов менялось. Вспоминал горную площадку — получал другую конструкцию.

Система, судя по всему, использовала мою память о местах.

— Прекрасно. Навигатор, работающий на воспоминаниях, — пробормотал я. — Главное, чтобы не отправил меня в школу на контрольную по алгебре.

Я попробовал мысленно представить дом Джона. Интерфейс откликнулся. Ранчо Рика — тоже. Но открывать проход в чужую гостиную я не собирался. Представил, как материализуюсь перед Джоном в тот момент, когда он выходит из душа, и немедленно исключил этот вариант из программы испытаний.

Для тренировок выбрал собственный гараж и пустую площадку за домом. Сначала ограничивался открытием и закрытием проходов. Потом перемещался сам, каждый раз заранее убеждаясь, что на месте выхода никого нет и не появилось новых препятствий.

Выяснилось, что чем точнее я представлял конкретную точку, тем надёжнее работал переход. Не просто «дом», а свободное место у верстака. Не просто «двор», а участок гравия возле старого пня.

Кроме того, можно было менять направление, в котором я появлялся. После нескольких попыток перестал выходить из портала боком, словно пьяный посетитель салуна.

Самым приятным было отсутствие привычных последствий дороги. Ни головокружения, ни ощущения ускорения. В один момент находишься здесь, в следующий — там. Правда, первые несколько раз ноги всё равно пытались сделать лишний шаг.

К среде я уже уверенно перемещался между проверенными точками, умел закрывать проход и мог отказаться от перехода после его подготовки.

На неизвестные адреса смотреть было страшновато. В одном разделе обнаружились конструкции, похожие на сохранённые направления. Часть из них ничему знакомому не соответствовала. Возможно, это были места, которых я никогда не видел. Возможно — вообще не места.

Я благоразумно оставил их в покое.

— Сначала научимся пользоваться лифтом, — объяснил я системе. — Потом будем выяснять, на какие этажи он ездит.

Записывать наблюдения оказалось полезнее, чем казалось поначалу. Когда я вынес на бумагу повторяющиеся связи между символами, некоторые функции интерфейса перестали выглядеть совершенно бессмысленными.

А одна группа привлекла внимание особенно.

Она не имела отношения к расстояниям и направлениям. В её центре постоянно возникал сложный образ, который я сначала принимал за очередную математическую абстракцию. Но стоило сосредоточиться на собственном теле, как конструкция изменилась.

Я замер.

В ней появились знакомые по ночным занятиям зависимости — те самые, что описывали живые системы, обмен веществ, взаимодействие клеток и восстановление тканей.

— Так. А вот это уже интересно.

* * *

Дальнейшие часы я провёл почти неподвижно.

Сначала пытался понять, что именно мне показывает система. Никаких привычных изображений костей, внутренних органов и красивых анатомических схем она не предлагала. Вместо этого возникала огромная сеть взаимосвязанных процессов.

Постепенно до меня дошло: часть конструкции отображала текущее состояние организма, а другая — допустимые варианты его изменения.

Причём речь шла не только обо мне.

Я мысленно выделил цветок в горшке на подоконнике. Интерфейс отреагировал, хотя заметно слабее, чем на мои собственные параметры. Перед внутренним взором возникла другая сеть, куда проще и вместе с тем совершенно чужая.

— Поздравляю, Орлов. Ты открыл инопланетный ботанический кружок.

Я не стал сразу трогать живые ткани. Для начала несколько раз проверил, способен ли правильно отличить отображение состояния от команды изменения.

Ошибиться здесь было куда страшнее, чем перепутать кнопки у телевизора.

Следующие два дня я занимался только наблюдениями. Сопоставлял ощущения, сравнивал структуры и пытался уловить знакомую логику. Ночные занятия неожиданно начали приносить практическую пользу: я уже мог разбирать отдельные процессы на составляющие, хотя многое оставалось для меня непонятным.

И тут обнаружилась существенная особенность.

Система не просто показывала возможное изменение. Она умела оценивать, насколько выбранное состояние согласуется с нормальной работой организма. Патологические отклонения выделялись в отдельные узлы, а рядом появлялись варианты возвращения к устойчивому состоянию.

По крайней мере, именно так я это понимал.

Я осторожно проверил гипотезу на собственных старых армейских травмах. Левое плечо, которое иногда напоминало о себе после холодной ночи, теперь не болело. Интерфейс показывал там структуру, отличавшуюся от той, что я ожидал увидеть в повреждённой ткани.

Возможно, именно эта штука уже несколько недель приводила меня в порядок без моего ведома.

Мысль одновременно радовала и пугала.

Когда вечером я смотрел на собственную ладонь с белой лямбдой, мне вдруг стало не по себе. Что ещё система успела во мне изменить? И кто решил, что эти изменения пойдут мне на пользу?

Я попытался найти ответ. Вместо ответа получил ещё более сложную математическую конструкцию.

— Очень содержательно. Спасибо за техническую поддержку.

Вечером зазвонил телефон. На экране высветился Джон. Он сообщил какую-то очередную новость о ранчо, спросил, не собираюсь ли я в ближайшие дни выбраться на стрельбище, а под конец упомянул, что Эрик опять отказался присоединиться к компании.

— Странный он в последнее время, — проворчал Джон. — Раньше его из дома вытаскивать не приходилось.

— Может, работы много.

— Может. Хотя мне что-то не нравится его настроение.

После разговора я ещё долго сидел с телефоном в руке.

Хотел набрать Эрика, но передумал. Он ведь ясно дал понять, что говорить пока не готов. Навязываться не хотелось.

Я открыл интерфейс.

Знакомые прозрачные панели возникли перед глазами. Одна отвечала за пространственные переходы. Другая, куда более сложная, содержала схему живого организма и возможных изменений.

Впервые я смотрел на неё без прежнего восторга.

Система могла вернуть человеку свободу перемещения. Могла исправлять то, что природа или случай сделали неправильно. А могла, вероятно, и многое другое.

Только теперь я начал понимать, насколько страшной бывает сила, если не знаешь её границ.

— Ну что, Орлов, — тихо сказал я. — Кажется, игры закончились.

И тут один из элементов биологического раздела изменился сам собой.

Я замер.

Никакой команды я не отдавал.

Несколько секунд смотрел на новую конфигурацию, потом медленно закрыл интерфейс. Система послушалась. Но ощущение, что за мной наблюдают, осталось.

Особенно неприятно было думать, что наблюдатель, возможно, знает о моём организме гораздо больше, чем я сам.

Я вернулся к столу и открыл сделанные за неделю записи. На первой странице красовалась неуклюжая схема портала. Ниже — даты, расстояния, места выхода. Дальше начинались совсем другие наблюдения: состояние тканей, отклонения, допустимые изменения. Между этими двумя разделами не было, казалось бы, ничего общего. Кроме одного обстоятельства: и перемещение, и восстановление организма происходили при помощи одной и той же системы.

Возможно, для её создателей это вообще были части единого процесса. Для меня же оставалось слишком много неизвестного.

Я выключил компьютер. Слишком много вопросов оставалось без ответа. Завтра стоило ещё раз спокойно изучить биологический раздел, прежде чем пытаться что-либо изменить на практике.

Глава 6. Цена чуда

В первое воскресенье ноября позвонил Рик. Не то чтобы само по себе это было событием: Рик звонил регулярно, преимущественно чтобы сообщить, что я опять питаюсь как одинокий енот и обязан немедленно явиться на ранчо. Но на этот раз он не спросил, что у меня в холодильнике.

— Ты с Эриком давно разговаривал? — Рик говорил непривычно сухо, без обычных подколок.

— На прошлой неделе. А что?

— Он попал в больницу. — Рик выдержал короткую паузу, словно давая мне осмыслить услышанное.

Я поставил кружку на стол. Кофе выплеснулся на блюдце. Вспомнился Эрик на барбекю: сидит в стороне, улыбается невпопад. А я ещё решил, что у него просто неудачный день.

— Что случилось? — Я отодвинул кружку, так и не заметив разлитого кофе.

— Пока толком не знаю. Обследуют. — Рик тяжело выдохнул. — Он сам говорит, что ничего страшного, но ты знаешь Эрика. Если у него отвалится нога, он сначала выяснит, можно ли пришить её обратно, а потом попросит не устраивать драму.

Мы договорились созвониться вечером. Я ещё несколько минут сидел на кухне и смотрел на телефон. На барбекю Эрик и вправду был странно тихим. Я решил тогда, что у человека просто плохое настроение. Оказывается, не всё так просто.

Я открыл ноутбук, но рабочая таблица немедленно превратилась в бессмысленную решётку. Перед глазами всплыл биологический раздел интерфейса — тот самый, к которому я ещё не решался прикоснуться всерьёз. Система обещала возможность изменять живой объект. «Обещала» — неподходящее слово: она вообще ничего не обещала. Просто показывала варианты, словно речь шла о настройках монитора.

У меня не было ни медицинского образования, ни малейшего желания проверить на друге неизвестную технологию. Пока не было.

***

В тот же день я решил заняться задачей попроще. Если порталы действительно позволяли выбирать знакомые места, нужно было понять, насколько далеко они работают. В голову пришёл Форт-Лодердейл — город, в котором мы когда-то с бывшей женой провели отпуск. Помнил я его достаточно хорошо, а особенно маленький безлюдный дворик позади съёмного дома. Правда, с тех пор прошло несколько лет. Вполне возможно, дворик уже украшали бетонный бассейн и огромный злой пёс.

Я запер дверь, взял телефон и на всякий случай сунул в карман бумажник. Затем представил знакомый задний двор: деревянный забор, узкую дорожку вдоль стены и пятно тени от пальмы.

Интерфейс предложил точку назначения. Я проверил её ещё раз и открыл проход.

В Монтане за окном висело серое небо, пахло снегом. Открытый мной проход никак не обозначал себя: я не видел ни края, ни того, что находилось по другую сторону. Оставалось довериться выбранной точке.

— Ну, здравствуй, Флорида.

Я шагнул — и оказался на тёплой плитке. Воздух пах влажной землёй и чем-то цветущим. За забором проехала машина. Никакого головокружения, никакой молнии и торжественного хора ангелов. Из необычного — разве что сердце колотилось слишком громко.

Дом выглядел немного иначе, но дворик я узнал. К счастью, никого поблизости не было.

Телефон услужливо сообщил, что я во Флориде. Я посмотрел на время. Расстояние в несколько тысяч километров оказалось для системы не более существенным, чем коридор между кухней и гостиной.

— Авиакомпании меня возненавидят, — сказал я.

Постоял ещё минуту, открыл обратный портал и вернулся домой. На весь эксперимент ушло меньше времени, чем на поездку в ближайший супермаркет. Но радость почему-то быстро улетучилась: я вспомнил про Эрика.

***

В следующие дни новости становились всё менее обнадёживающими. После анализа крови Эриком занялись гематологи; исследование костного мозга подтвердило острый миелоидный лейкоз. Уже в первую неделю ноября начали первый курс лечения. Позже Эрик признался, что усталость появилась ещё в октябре. Сначала он списывал её на работу, но, когда к ней добавилась одышка, сам пошёл сдавать анализы. Рик пытался говорить спокойно, но всё чаще обрывал фразы на середине.

Эрик категорически запрещал нам превращать его палату в клуб скорбящих родственников.

— Я ещё живой, Владимир, — сказал он, когда я наконец дозвонился. — И меня чрезвычайно раздражает, что все говорят со мной шёпотом.

— Тогда могу на тебя наорать, — предложил я, стараясь говорить как обычно.

— Попробуй. Буду жаловаться лечащему врачу, — невозмутимо ответил Эрик.

Он засмеялся, но дыхание после смеха сбилось. Это испугало меня сильнее, чем любые слова Рика.

Дни тянулись с неприятной, больничной размеренностью. Утром я получал от Рика короткое сообщение: «Без перемен». Вечером сам звонил Эрику. Иногда он отвечал бодро и ехидно, иногда разговаривал всего пару минут. Я перестал спрашивать «как дела» — слишком глупо звучит вопрос, на который никто не хочет отвечать правдиво.

Как-то Рик пригласил меня помочь с воротами на дальнем загоне. Мы провозились почти всё утро: заклинившая петля, ржавые болты, скотина, которой непременно нужно было сунуть морду туда, где работают люди. Когда справились, Рик налил кофе из термоса и сказал:

— Эрик вчера требовал передать тебе, чтобы ты перестал пропускать наши воскресные посиделки. Сказал, что больной у нас он, а не ты.

— Передай, что в следующий раз сам пожарю мясо, — сказал я, согревая ладони о стаканчик с кофе.

— Вот это уже серьёзная угроза. Придётся ему выздоравливать. — Рик попытался улыбнуться.

Мы оба усмехнулись, но смех вышел коротким. Потом долго молчали, глядя на покрытые инеем пастбища. Мне очень хотелось сделать что-нибудь полезное, но прежние способы решать проблемы — найти инструмент, купить деталь, приложить усилие — здесь не работали.

В другой день я приехал в больницу с книгой, которую Эрик просил привезти. Он сидел у окна и делал пометки карандашом на распечатке медицинской статьи.

— Тебе мало того, что они тебя лечат? — Я кивнул на исписанную распечатку. — Ты ещё собираешься им преподавать?

— Хочу понимать, что со мной делают. — Эрик аккуратно положил карандаш поверх листа. — Доверие — замечательная вещь, но проверка помогает ей не испортиться.

Меня неприятно кольнуло. Именно этим я и занимался со своей системой: пытался понять, прежде чем довериться. Только у врачей были исследования, опыт и возможность обсуждать ошибки с коллегами. У меня — неизвестный интерфейс и несколько удачных переходов.

По дороге домой я решил вести подробный журнал каждого эксперимента. Без красивых названий вроде «операция спасения мира». Дата, цель, ограничения, наблюдения и всё, чего я не понимал. Особенно последнее.

К середине ноября я почти перестал нормально спать. Работу выполнял автоматически, а вечерами разбирал биологический раздел. Он показывал структуры организма с такой подробностью, что привычные медицинские атласы казались детскими раскрасками. Я видел взаимосвязи тканей, клеточные процессы, какие-то сложные схемы восстановления. Но понимать картинку — не значит уметь вмешиваться в неё без последствий.

В системе имелись варианты коррекции. Я долго не решался даже выбрать один из них.

Однажды у соседского сарая мне попался котёнок. Рыжий, нескладный, с одним воспалённым глазом. Он сидел под ступенькой и мяукал с таким возмущением, будто лично я отвечал за организацию всей кошачьей жизни в Монтане.

Соседка, миссис Харпер, вышла с пакетом корма. Оказалось, котёнка нашли несколько дней назад, и ветеринар уже назначил капли.

— Он поправится? — спросил я, наблюдая, как рыжий недовольно косится на пакет с кормом.

— Должен. — Миссис Харпер усмехнулась. — Только попробуй ему закапать — сам увидишь, кто здесь хозяин.

И вот тут я впервые всерьёз задумался об опыте. Не над тем, как устроить эффектный фокус, а над тем, можно ли проверить возможности системы на небольшой, известной проблеме. В голове немедленно возник образ Эрика на больничной койке, и от этой мысли мне стало противно: нельзя превращать живое существо в тренажёр ради собственной уверенности.

Я помог соседке удержать котёнка для обычных капель, а сам вернулся домой и ещё два вечера разбирался в интерфейсе. Только когда смог отличать диагностическое отображение от команды изменения, решился поговорить с миссис Харпер. Объяснить всё честно, разумеется, было невозможно. Я сказал, что хочу ещё раз посмотреть животное и убедиться, что глаз идёт на поправку. Она пожала плечами.

В пятницу я принёс котёнка к себе — ненадолго, с её разрешения. Поставил на стол переноску, открыл дверцу и выложил рядом кусочек мягкого корма. Рыжий немедленно решил, что научная экспедиция имеет смысл.

Диагностика показала воспалённые ткани и небольшое повреждение поверхности глаза. Система предложила несколько способов коррекции. Я выбрал самый узкий: восстановление повреждённого участка, без попыток изменить что-либо ещё. Потом долго проверял параметры.

— Ты уж извини, приятель, — сказал я котёнку. — В нормальной лаборатории тебе полагалась бы команда специалистов. А здесь только один нервный идиот.

Открыл короткий портал через гостиную, настроив биологическую коррекцию исключительно на отмеченную область. Котёнок сидел у меня на руках и с интересом изучал пуговицу куртки. Мы сделали один шаг.

Ничего драматического не произошло. Ни вспышек, ни судорог, ни торжественного сигнала об успешном чуде. Рыжий попытался укусить меня за палец.

Но глаз выглядел заметно лучше. Я сверил изображение в интерфейсе: повреждение исчезло, воспалительная реакция практически сошла на нет. Ещё несколько минут наблюдал, не появляется ли что-нибудь неожиданное. Затем отнёс котёнка хозяйке, настойчиво попросив не пропускать контроль у ветеринара.

Всю дорогу домой меня трясло. Я впервые изменил живой организм — и результат оказался реальным. Но одно крошечное повреждение было не тем же самым, что сложная болезнь взрослого человека. Чем яснее я это понимал, тем страшнее становилось.

***

На следующие выходные котёнок попался мне снова. Он носился по двору миссис Харпер, охотясь на сухой лист, и явно не собирался благодарить человеческую науку. Соседка сообщила, что ветеринар не обнаружил прежнего повреждения и велел закончить назначенный курс ухода. Я выслушал это с неожиданным облегчением. И всё-таки не позволил себе считать опыт доказательством безопасности системы. Одно удачное вмешательство — ещё не статистика. А котёнок, как ни крути, не Эрик.

К двадцатым числам ноября первый курс химиотерапии был позади, но Эрик оставался в гематологическом отделении: показатели крови ещё не восстановились настолько, чтобы его можно было отпустить домой. Он похудел, быстро уставал, однако держался с тем упрямством, которое в других обстоятельствах казалось бы достоинством.

Рик приехал ко мне без предупреждения. Мы сидели на террасе, закутавшись в куртки. На краю двора лежал снег.

— Он говорит, что всё под контролем, — произнёс Рик. — Но я видел его вчера. Это не тот человек, который жарил с нами мясо месяц назад.

Я не ответил.

— Ты ведь тоже заметил тогда, что с ним что-то не так? — Рик повернулся ко мне, ожидая ответа.

— Заметил. Решил, что устал. — Я смотрел на снег у края террасы.

Рик потёр ладонями лицо.

— Знаешь, что хуже всего? Ничем не можешь помочь. Привезти, отвезти, оплатить, найти врача — это пожалуйста. А дальше стой в коридоре и жди.

Мне хотелось рассказать ему всё. Про пещеру, систему, портал и рыжего котёнка. Но даже если он поверит — что потом? Объяснять Эрику, что его собирается лечить друг без диплома врача при помощи непонятного механизма, который ещё вчера разбирался в собственных настройках?

— Я попробую кое-что выяснить, — сказал я.

Рик посмотрел на меня.

— Что именно? — спросил он слишком быстро, и я пожалел, что заговорил.

— Пока не уверен. Не хочу обещать пустого, — ответил я после паузы.

Он кивнул и не стал давить. За это я был ему благодарен.

В последнюю неделю ноября я изучал всё, что мог узнать о болезни Эрика законным и обычным способом. Сам Эрик, как ни странно, говорил со мной откровеннее, чем с Риком: наверное, считал, что я меньше склонен к панике. Он переслал заключение, объяснил, какие исследования повторяют и чего опасаются врачи. Первый курс дал ответ, но лечение на этом не заканчивалось. Теперь врачи следили, как восстанавливается кроветворение, и планировали следующий этап.

Я сопоставлял человеческие отчёты с биологическими моделями системы. В одном месте её диагностика показывала сбой, который обычное описание не позволяло увидеть целиком: неправильное воспроизводство определённой клеточной линии, распространявшееся на здоровые ткани. Исправление выглядело не как «сделать человека здоровым», а как последовательность очень точных изменений.

Эта точность меня и пугала. Если ошибиться хотя бы в одном параметре, можно было не помочь, а запустить новую беду.

Первого декабря Эрик позвонил сам.

— Володя, лечение продолжат. Но если показатели поднимутся, перед следующим курсом отпустят домой. Пока ждём.

Он говорил ровно. Но в конце разговора вдруг попросил:

— Если увидишь Рика, скажи ему, что я не собираюсь умирать только ради того, чтобы он перестал готовить свою отвратительную фасоль.

Я засмеялся, пообещал передать и долго смотрел на погасший экран.

В тот вечер я принял решение.

***

Уговорить Эрика было труднее, чем научиться открывать портал. Я рассказал ему часть правды — достаточно, чтобы он понимал: предлагаю не обычное лечение и не медицинскую консультацию, а нечто совершенно неизвестное. Он сперва решил, что я сошёл с ума. Потом выслушал внимательно, задал десятки неприятных вопросов и потребовал хотя бы показать, что я умею.

Шестого декабря Эрика выписали на перерыв между курсами. Показатели крови восстановились достаточно, температуры и признаков инфекции не было; он получил назначения, даты контрольных анализов и подробные указания, когда немедленно возвращаться в больницу. Это была передышка, а не конец лечения. На следующий день я забрал его из дома и привёз к себе. В доме мы были одни. При Эрике я открыл портал из кабинета в кухню. На вид ничего не изменилось. Эрик недоверчиво протянул руку в указанное мной место — и она исчезла до запястья. Он отдёрнул её, помолчал и произнёс:

— Я много чего повидал. Но такого в университете нам не преподавали.

Затем мы долго говорили. Я не обещал ему исцеления, не просил отменять назначений врачей и не скрывал, что последствия неизвестны. Эрик потребовал, чтобы любые изменения были минимальными, а дальнейшие анализы проводились независимо от того, что покажет моя система.

— Если уж мне предстоит стать первым пациентом космического сантехника, — сказал он, — я хотя бы хочу знать, что ты не перепутаешь трубы.

— Всё будет нормально, Эрик, — мягко сказал я.

Перед самой процедурой у меня вспотели ладони. Я несколько раз сверил область воздействия и параметры восстановления. Эрик сидел в кресле, белый и осунувшийся, но смотрел на меня спокойно.

Мы прошли через портал.

Ничего не случилось — так показалось в первую секунду. Эрик поморщился, словно ощутил короткий укол, затем опёрся о спинку кресла.

— И всё? — Эрик убрал руку со спинки кресла и осторожно расправил плечи.

— Пока не знаю. — Я снова посмотрел на показания системы.

Эрик посмотрел на то место, где только что был невидимый проход.

— Слушай, Володя. Ты и сам понимаешь, что об этом никому нельзя говорить?

— Угу. Потому и показал только тебе, — ответил я. Эрик дождался, пока я наконец посмотрю на него.

— Я серьёзно. Пока мы не знаем даже, поможет ли эта штука. А если поможет — тем более молчи. Тебя не оставят в покое. Найдутся люди, которые решат, что ты им нужнее, чем самому себе.

— Я об этом думал, — признался я.

— Значит, думай и дальше. И Рику пока ни слова. Не потому, что ему не доверяем, а потому, что чем меньше людей знает, тем спокойнее всем.

Я кивнул. Спорить было не о чем.

Система показывала, что заданная коррекция завершена. Но я не знал, означает ли это выздоровление. Мы просидели ещё час. Эрик пил воду, ругался на больничную еду и утверждал, что чувствует себя немного бодрее. Я записывал каждую мелочь и старательно не позволял себе радоваться.

Через несколько дней пришли первые результаты контрольных анализов. Они были лучше предыдущих. Врачи удивлялись скорости изменений и назначили повторную проверку, не делая окончательных выводов. Эрик позвонил поздно вечером:

— Володя, я не знаю, что ты сделал. После курса уже было улучшение, но сейчас я и чувствую себя иначе. Врачи хотят всё перепроверить.

Я сел прямо на пол у кухонного шкафа. Примерно там же, где впервые свалился после телепортации. На этот раз обошлось без разбитой кружки.

Только теперь я понял, как сильно боялся.

***

Приближалась середина декабря: снег, мороз и короткие дни. Эрик оставался под наблюдением врачей, но уже строил планы вернуться к привычной жизни. Рик, наоборот, впервые за месяц начал шутить без натужного веселья. Мне хотелось считать случившееся победой, хотя я знал: один обнадёживающий результат ещё не означает, что все проблемы позади.

Несколько вечеров подряд я вообще не открывал биологический раздел. Вместо этого вернулся к другому вопросу: куда ведут неизвестные направления в системе?

Земные переходы работали. Флорида это доказала. Но интерфейс содержал точки, не похожие ни на одно знакомое место. Соваться туда самому было бы верхом идиотизма. Нужен был разведчик, которому не жалко потерять винты и пластиковый корпус.

В кладовке нашёлся мой старый недорогой DJI. Обычный гражданский квадрокоптер, купленный когда-то для съёмки лесных троп. Никакой специальной аппаратуры, зато камера, управление и телеметрия. Если пропустить его через портал, можно хотя бы выяснить, работает ли радиосвязь сквозь границу.

На пробу я открыл переход в знакомую горную долину. Поставил дрон на землю, поднял в воздух, перевёл его на другую сторону и посмотрел на экран пульта. Изображение оставалось чётким. Данные о высоте, скорости и заряде приходили. Индикатор сигнала показывал чуть худшее качество, чем при обычном полёте, но насколько именно портал ослаблял связь, я пока не понимал.

— Живём, — сказал я. — Значит, совсем не глухая стена.

Вернул аппарат через проход, посадил и только тогда закрыл переход. Сменил аккумулятор. Теперь оставалось попробовать неизвестное направление.

Я выбрал один из незнакомых символов, и система сообщила, что проход открыт. Передо мной ничего не изменилось: ни светящейся рамки, ни вида на другую сторону. Я знал только точку, в которой можно пересечь невидимую границу.

Проверил заряд. Камера работала. Телеметрия шла. Дрон завис в метре от невидимой границы, словно тоже сомневался, стоит ли туда лезть.

— Ну что, разведчик. Только без геройства.

Я осторожно подал аппарат вперёд.

На экране не было никакой заметной границы — просто привычная картинка моего двора сменилась незнакомой осенней долиной. Я невольно наклонился к пульту. Почти Монтана, только словно на несколько недель отставшая от календаря: хвойные склоны, полосы пожелтевшей травы, голые лиственные деревья у ручья. Снега почти не было, лишь в тенистых ложбинах белел иней. И горы заметно ниже. В нижнем углу экрана, где обычно была миникарта, осталось пустое светлое поле с маленьким синим треугольником. Ни дорог, ни названий, ни координат. Значок спутниковой навигации предупреждал об отсутствии GPS. Впрочем, откуда здесь взяться земным спутникам? Высоту дрон по-прежнему оценивал по своим датчикам, показывалось три метра; заряд — девяносто четыре процента. Видеосигнал шёл, хотя качество связи немного ухудшилось. Я облетел ближайший склон, затем увёл дрон дальше вдоль долины. Картинка оставалась хорошей, и я слишком поздно вспомнил, что часть запаса радиосвязи терялась уже при прохождении сигнала сквозь портал.

Внезапно картинка дёрнулась. Индикатор сигнала прыгнул вниз. Я потянул стик на себя, разворачивая дрон обратно к проходу.

Экран замер.

Через секунду появилась надпись о потере соединения.

Я попробовал восстановить управление. Подождал. Ещё раз. На экране застыл последний кадр; телеметрия больше не обновлялась. Карта так и осталась пустой, без координат. Где сейчас находился дрон и продолжал ли он лететь, я не представлял. Слишком увлёкся разведкой и не выяснил, насколько именно невидимый проход ослабляет радиосигнал.

Передо мной было пустое пространство. Система утверждала, что проход по-прежнему открыт. Странно: радиосигнал и свет — электромагнитные волны. Сигнал пульта сквозь проход проходит, пусть и с потерями. Почему тогда я не вижу ничего на той стороне? Что будет на других частотах? Увидит ли что-нибудь радар — хотя бы мощный военный? Ответов у меня не было.

— Вот тебе и разведка, — тихо сказал я, не отрывая взгляда от застывшего экрана.

Первый же полёт в неизвестность закончился потерей дрона.

Глава 7 Луноход

На следующее утро я обнаружил, что потерять четыреста долларов гораздо проще, чем признать собственную глупость.

Пульт лежал посреди кухонного стола, словно мог вернуть пропавший квадрокоптер. На телефоне застыл последний кадр: склон, лес и небо без единого знакомого спутника.

Дрон я потерял по собственной глупости. Нашёл проход в другой мир, проверил связь — и сразу полетел дальше. Не выяснил ни пределов дальности, ни возможностей возврата. Нормальный исследователь сначала составил бы план, определил точку возврата и запасной маршрут. Я же на радостях отправил аппарат туда, где не было ни спутников, ни карт, ни гарантий, что он вообще понимает, в какую сторону лететь.

— Поздравляю, Орлов. Первая межмировая экспедиция состоялась. Экипаж пропал без вести, командование пьёт кофе.

Шутка не помогла. Я не знал, упал ли аппарат или продолжил лететь до разряда аккумулятора. Без GPS от хвалёной автоматики оказалось мало толку.

Я включил планшет, на котором вёл заметки об интерфейсе, и создал новую заметку. Набрал крупно: «НЕТ СПУТНИКОВ. НЕТ КАРТЫ. НЕТ НАДЁЖНОГО ВОЗВРАТА».

Подумал и добавил четвёртое: «НЕ ПУТАТЬ УДАЧУ С ПЛАНОМ».

И всё же дрон успел показать долину, деревья и небо. Местность напоминала Монтану, но времена года расходились: у меня снег, там — пожухлая осенняя трава.

Хотелось выяснить всё остальное немедленно. Именно поэтому я выключил планшет и заставил себя заняться основной работой.

Начальник прислал длинное письмо об эффективности команд. Я разобрал рабочие задачи, исправил чужую ошибку в коде и к обеду освободился.

Пора было решать, что делать с дальнейшей разведкой.

***

В субботу Джон зашёл за инструментами, оставшимися после ремонта крыльца, и тут же принялся осматривать гараж. Он делал это с привычной бесцеремонностью старого приятеля: заглянул под верстак, потрогал разобранный фонарь, а потом заметил пульт. Джон умел задавать вопросы так, будто уже знал половину ответа.

— Ты тут авиацию организуешь? — спросил он, увидев пульт на верстаке.

— Пока только отделение по расследованию авиационных происшествий, — ответил я, отодвигая в сторону коробку с инструментами.

Джон поднял пульт, повертел в руках.

— DJI? А где птичка?

— Потерял, — признался я, не особенно гордясь этим достижением.

— Уронил?

— Если бы я знал, где она упала, разговор был бы короче, — заметил я.

Он хмыкнул.

— Далеко загнал?

— Дальше, чем следовало. — Я забрал у него пульт и положил обратно на верстак.

— Знаю одного парня, Кевина, — сказал Джон. — С электроникой на «ты», сам собирает беспилотники. Может, подскажет, как не потерять следующий.

— Ты его хорошо знаешь? — Я с сомнением посмотрел на Джона.

— Достаточно, чтобы доверить ему свою газонокосилку. А это, между прочим, высокая степень доверия.

— Сомнительная рекомендация, — заметил я.

— Других у меня для тебя нет. — Джон развёл руками.

Джон набрал номер прямо при мне. Несколько минут поговорил, посмеялся над чем-то и передал трубку.

— Кевин? Владимир Орлов. Джон дал ваш номер. Я ищу технику для разведки труднодоступных пещер в горах Монтаны. Там нет GPS, и со связью могут быть проблемы.

На том конце воцарилась короткая пауза.

— Вообще без GPS? — переспросил Кевин, и в его голосе впервые прозвучало настоящее любопытство.

— Совсем.

— А что там с радиосвязью? — уточнил он уже деловым тоном.

— Нестабильно. Иногда может пропасть полностью.

— И вы хотите, чтобы аппарат после этого возвращался? — Кевин помолчал, явно прикидывая сложность задачи.

— Именно.

— Понятно, — ответил Кевин. — То есть вы хотите всё самое сложное сразу.

По голосу было слышно, что он не раздражён. Наоборот, заинтересовался.

Мы договорились встретиться через несколько дней. Джон забрал инструменты и, уже садясь в машину, заметил:

— Орлов, ты там только парня не пугай. Он инженер. У них и без тебя жизнь нелёгкая.

— Постараюсь не рассказывать про пришельцев.

— Вот и правильно. Начни с медведей. Для Монтаны звучит убедительнее.

***

Мастерская Кевина занимала бывший автосервис на окраине. Снаружи — развалина, внутри — тот инженерный порядок, который посторонний назвал бы катастрофой. Сам хозяин выглядел слишком молодым для человека, которому я собирался доверить дорогую технику. Но стоило ему взять пульт и начать задавать вопросы, как сомнения по поводу возраста исчезли. Его интересовало не то, какой красивый аппарат я хочу получить, а то, в каких условиях он должен выжить.

На столах теснились платы и инструменты, под потолком висели квадрокоптеры. В углу стояла недособранная шестиколёсная платформа.

Сам Кевин оказался молодым, худощавым и удивительно серьёзным парнем. На носу у него сидели очки в тонкой оправе. Поздоровавшись, он снял их, привычным движением протёр стёкла краем мягкой салфетки и снова водрузил на нос, прежде чем внимательно посмотреть на принесённый пульт.

— Где аппарат? — спросил Кевин, осматривая пульт.

— Где-то в горах, — ответил я. Прозвучало хуже, чем хотелось.

— Попробуем найти? — Он уже потянулся к лежавшему на столе ноутбуку.

— Не получится.

— Вы уверены? — Рука Кевина замерла над ноутбуком.

— Уверен, — ответил я. Кевин ещё секунду ждал объяснения, потом убрал руку с ноутбука.

Кевин изучил меня внимательнее. Я понял, что вопросов у него стало больше, чем ответов, но воспитание удержало его от немедленного допроса.

— Расскажите задачу. — Кевин отложил пульт и придвинул чистый лист бумаги.

Я изложил легенду: хочу исследовать труднодоступные пещеры Монтаны, где нет GPS и пропадает связь. Нужен наземный робот с камерами, освещением и датчиками, способный взять пробы и вернуться. Я старался говорить спокойно, хотя приходилось тщательно выбирать слова. Объяснить потребность в герметичных контейнерах было легко; куда труднее — не проговориться, что под «пещерой» я подразумеваю целую долину под чужим небом.

Кевин слушал молча, лишь изредка уточняя детали.

— Вы понимаете, что полностью автономное возвращение без внешней навигации — отдельная серьёзная задача?

— Именно поэтому я пришёл к вам, а не купил ещё один DJI, — ответил я.

Он улыбнулся впервые за весь разговор.

— Гарантий не дам, — предупредил Кевин. — Камеры ошибаются, снег скрывает ориентиры. Без связи вернуться будет непросто.

— Мне и не нужны чудеса. Мне нужен аппарат, который умеет работать по плану и не погибает при первой неприятности.

— Начнём с наземного робота. Для пещер он полезнее дрона: повезёт датчики, аккумуляторы и пробоотборник. Но над возвратом придётся работать.

Я посмотрел на шестиколёсную платформу.

— Например, такую? — Я кивнул на платформу.

— Похоже. Только вашей машине понадобятся защита от воды и холода, камеры, приборы и надёжное управление.

— Сколько времени? — спросил я, когда мы закончили обсуждать оборудование.

Кевин не стал изображать оптимизм продавца подержанных автомобилей.

— Ходовой прототип соберу за несколько недель, — прикинул он. — Для надёжной машины потребуется два-три месяца, возможно больше.

Такой ответ мне понравился.

— Давайте считать три. А по дороге посмотрим, что получится. — Я предпочёл не торопить человека, которому предстояло решать столько неизвестных задач.

Кевин включил планшет и быстро набросал схему на экране. Мы обсудили камеры, дорожный просвет и манипулятор.

В какой-то момент Кевин поднял голову.

— Всё-таки какие именно пещеры вы собираетесь исследовать?

Я заранее подготовился к этому вопросу.

— Пока не хочу уточнять место. Часть маршрутов проходит по частной территории, и мне бы не хотелось привлекать лишнее внимание до первых результатов.

— Секретный объект? — Кевин прищурился, но в вопросе слышалась скорее шутка, чем подозрение.

— Если бы это был секретный объект, я бы, наверное, пришёл в галстуке, — сказал я и потянул за край своей куртки.

Кевин посмотрел на мои ботинки, поношенную куртку и рассмеялся.

Кевин обещал смету, я оставил задаток. Его хватало покрыть из зарплаты, но общая стоимость проекта неприятно впечатляла.

По дороге домой я впервые почувствовал: вместо случайных опытов появился план.

***

В середине декабря позвонил Эрик.

— Владимир, не отвлекаю?

— Если ты собираешься читать лекцию о режиме сна, то да.

— Удивительно, — произнёс Эрик с притворной укоризной, — как быстро пациент начинает острить, едва убеждается, что врач ещё жив.

Я отложил ноутбук.

— Как результаты? — спросил я, стараясь не выдать нетерпения.

— Некоторые показатели лучше. Некоторые заставляют моих коллег задавать вопросы, на которые мне крайне неудобно отвечать.

Его голос звучал крепче, чем месяц назад, но осторожность в нём никуда не делась.

— И что ты им говоришь? — Я невольно подался вперёд.

— Что медицина иногда преподносит сюрпризы. Это совершенно правдивое утверждение, хотя и не особенно содержательное.

Мы обсудили обследования и лекарства. Эрик особенно настаивал: без крайней необходимости никаких новых попыток коррекции.

— Ты понимаешь, что произошло нечто чрезвычайное, — сказал он после паузы. — Но это не означает, что мы вправе немедленно повторять опыт всякий раз, когда нам становится любопытно.

— Понимаю. Я, между прочим, уже потерял один летательный аппарат из-за собственного любопытства.

— Очень надеюсь, что в следующий раз ты предпочтёшь пожертвовать техникой, а не собой.

Я рассказал ему о долине, осенней траве среди декабрьских снегов Монтаны и странном поведении радиосвязи. Эрик выслушал внимательно. Вопросов у него оказалось больше, чем я ожидал.

— Уверен, что дело в климате? — спросил он. — Разница высот тоже многое объясняет. А в другом мире привычные причины могут вообще не работать.

— Именно поэтому собираюсь отправить туда приборы.

— Не себя? — мягко уточнил Эрик.

— Пока только приборы, — заверил я его.

— Это, пожалуй, первая по-настоящему хорошая новость за сегодняшний день.

После разговора я ещё долго смотрел в окно. Снег лежал на перилах террасы, за лесом постепенно темнело. Там, за невидимой границей, существовала другая долина, в которой вечер мог пахнуть прелой листвой, а не морозом. И я ничего о ней не знал.

***

Рождество мы праздновали у Рика.

Ранчо Рика сияло гирляндами, возле входа стояли две ели. Хозяин уверял, что пригласил только близких друзей. Судя по машинам на подъездной дорожке, близких набралось на полокруга. В доме пахло хвоей, жареным мясом и корицей. После недель, проведённых за работой и записями о портале, обычный праздничный шум действовал почти успокаивающе. Здесь никто не требовал объяснить загадочную долину; гости спорили о погоде и наливали друг другу виски.

Джон спорил с Майком у гриля, Зак присматривал за ними, Эрик отдыхал у камина.

Когда я вошёл, он поднялся навстречу. Двигался ещё немного осторожно, но выглядел гораздо лучше.

— Рад тебя видеть, — сказал я.

— Взаимно. Только не предлагай сейчас повторить наши эксперименты. Я намерен сначала съесть ужин.

— Я вообще-то хотел предложить виски, — сказал я, заметив, что Эрик уже с интересом поглядывает в сторону стола.

— Тогда, — заметил Эрик, — медицина готова рассмотреть твою инициативу.

Рик хлопнул меня по плечу.

— Ну что, Володя, как твои дела? Джон сказал, ты новую игрушку заказываешь.

— Игрушка размером с небольшую тележку, — уточнил я. — И стоит как подержанная машина.

— Значит, настоящая мужская игрушка.

Я улыбнулся, хотя смета Кевина уже заметно тревожила мой банковский счёт.

Позже, когда гости разбрелись по дому, Рик вывел меня на террасу. Морозный воздух приятно обжёг лицо. Внизу темнели загоны и постройки ранчо.

— Я серьёзно, — сказал он. — Если у тебя интересный технический проект и нужна помощь, скажи.

— Рик, ты даже не знаешь, чем я занимаюсь.

— А ты расскажи. — Рик опёрся локтями о перила и терпеливо ждал.

Я взглянул на окна, за которыми смеялись друзья. Эрик уже знал тайну; просить у Рика денег, не объяснив причины, было бы нечестно.

— Сейчас не время, — ответил я. — Но обещаю: если попрошу твоей помощи, сначала объясню, во что ты ввязываешься.

Рик некоторое время молчал.

— Ну ладно. — Рик отлип от перил. — Только не тяни до последнего. А то придёшь, когда уже всё сгорело, и попросишь огнетушитель.

— Тебя Эрик научил так разговаривать? — спросил я, пытаясь перевести разговор в шутку.

— Сам умею, — Рик придержал для меня дверь. — Долго тренировался. На Джоне.

Мы вернулись к гостям.

Домой я вернулся с непривычно хорошим настроением.

***

Январь начался с морозов.

В январе Брэдли предложил повышение с переездом ближе к офису. Я поблагодарил его и отказался: Монтана меня устраивала.

— Владимир, вы понимаете, от каких возможностей отказываетесь?

— Вполне. Особенно хорошо представляю дорогу до офиса, — ответил я, глядя на экран с предложением Брэдли.

Мы договорились, что я продолжу работать удалённо и возьму больше технических задач. Зарплата оставалась единственным доходом.

Кевин тем временем регулярно присылал фотографии.

Сначала Кевин прислал фото каркаса, затем шасси и колёс. Потом посыпались замечания: батареи расположены неудачно, снег слепит камеры, мороз сажает аккумуляторы.

В середине января мы испытали ходовой прототип на снегу. Он прошёл двадцать метров, взобрался на вал и застрял с величием корабля, севшего на мель. Кевин присел рядом, посветил фонариком на подвеску и недовольно цокнул языком. Я попытался разглядеть неисправность, но увидел только вращающееся колесо. Инженер, в отличие от меня, уже мысленно переставлял детали местами.

— Ну, — сказал Кевин, глядя на беспомощно вращающееся колесо, — зато привод работает.

— Убедительно, — согласился я, глядя на засевшую машину. Кевин шутку пропустил мимо ушей.

— Центр тяжести неправильный, — сказал он уже себе. — Переделаем.

Я помог вытащить платформу из снега.

— Сколько ещё времени? — спросил я, отряхивая снег с перчаток.

— Если вы хотите, чтобы она ездила, — несколько недель. Если хотите, чтобы возвращалась, когда вы её не видите, — это уже сложнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.